Т. И. Зеленина

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ (IX–XIII вв. и XIX–XX вв.)

Посвящается моему дорогому Учителю
Тамаре Александровне Репиной,
доктору филологических наук, профессору
Санкт-Петербургского госуниверситета,
заслуженному работнику высшей школы
Российской Федерации

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
Институт языка и литературы
Кафедра романской филологии,
второго иностранного языка и лингводидактики
НОЦ «Инновационное проектирование
в мультилингвальном образовательном пространстве»
МИП «Научно-методическое объединение «Иж-Логос»

Серия «Языковое и межкультурное образование»

Т.И. Зеленина

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ (IX–XIII вв. и XIX–XX вв.)

Монография

Ижевск
2025

ISBN 978-5-4312-1248-2

DOI 10.35634/978-5-4312-1248-2-2025-1-175

© Зеленина Т.И., 2025
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2025
© НМО «Иж-Логос», 2025
© Бердышева Н.А., обложка, 2025

УДК 811.133.1’367-112”8-12”:811.133.1’367-112”18-19”
ББК 81.471.1-22-03
З-482
Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом УдГУ
Автор: *Т.И. Зеленина*, д-р филол. наук, профессор, каф. романской филологии, второго иностранного языка и лингводидактики ФГБОУ ВО «УдГУ».

Рецензенты: д-р филол. наук, доцент, каф. романской филологии СПбГУ, г. Санкт-Петербург **Н.Г. Мед;**
д-р фил. наук, доцент, каф. французской филологии СВФУ, г. Якутск **О.А. Мельничук.**

Зеленина Т.И.
З-482 Французское общевопросительное предложение в синхронии и диахронии (IX–XIII вв. и XIX–XX вв.) : монография. – Ижевск : Удмуртский университет, 2025. – 1 DVD-R (1,5 Мб). - Текст : электронный.

В монографии сопоставляются два синхронных среза в истории французского языка: старофранцузский и современный язык. Предметом исследования являются общевопросительные предложения, которые в оба периода допускают два типа синтаксической структуры: с инверсией подлежащего и при помощи прямого порядка слов. В работе дается объяснение, в каком направлении шло развитие французского языка в изучаемой области и какие факторы повлияли на произошедшие изменения.

Книга предназначена для магистрантов, аспирантов и специалистов, интересующихся историей языков.

Минимальные системные требования:
Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; WindowsXP/7/8 и выше;разрешение экрана1024×768 или выше; программа для просмотра pdf

ISBN 978-5-4312-1248-2

DOI 10.35634/978-5-4312-1248-2-2025-1-175

© Зеленина Т.И., 2025
© ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 2025
© НМО «Иж-Логос», 2025
© Бердышева Н.А., обложка, 2025

Зеленина Тамара Ивановна
Французское общевопросительное предложение в синхронизации и диахронии (IX–XIII вв. и XIX–XX вв.)
Монография

Подписано к использованию 31.03.2025
Объем электронного издания 1,5 Мб, тираж 10 экз.
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел. : +7(3412)916-364 E-mail: editorial@udsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Мой путь в науку) 5
Введение 14
Раздел 1. Семантико-синаксическая характеристика общевопросительного предложения 20
1.1. Семантические типы вопросов и критерии их определения 20
1.2. Инвертированный / прямой порядок слов 30
1.3. Эллипсис прямого дополнения 55
Выводы по разделу 1 65
Раздел 2. Актуальное членение общевопросительного предложения 68
2.1. Критерии определения темы и ремы вопроса 68
2.2. Типы актуального членения 75
Выводы по разделу 2 113
Раздел 3. Содержание общевопросительных предложений (типы запросов) 115
Выводы по разделу 3 136
Заключение 142
Список цитируемой научной литературы 146
Список сокращений названий цитируемых художественных текстов 160
Старофранцузские памятники 160
Современная французская литература 169

ПРЕДИСЛОВИЕ (МОЙ ПУТЬ В НАУКУ)

Мое становление как ученого в полной мере отражает развитие науки в региональных вузах Советского Союза.

Удмуртский государственный университет

В 1972 г. Удмуртский государственный педагогический институт (УГПИ) получил статус университета: Удмуртский государственный университет (УдГУ). Это был период, когда университетами стали называться многие региональные институты страны. Одним из существенных отличий университета является установка на научную деятельность в учебном процессе. Ранее научные исследования велись преимущественно в столичных вузах и научных академиях.

В 1973 г. я окончила УдГУ, получив квалификацию «Учитель французского и немецкого языков средней школы». В этом же году была направлена на годичную стажировку (с установкой поступления в аспирантуру) в Ленинградский государственный университет (ЛГУ, направление «Романская филология»).

Стажировка в ЛГУ

В аспирантском общежитии (в Старом Петергофе), проживали стажеры и аспиранты различных специальностей и национальностей из вузов разных регионов России и республик Советского Союза. Для меня осознание научного понятия «межкультурная коммуникация» началось с практики, став значимым в аспирантские годы, а затем и в профессиональной деятельности.

Стажировка проходила при кафедре романской филологии филологического факультета ЛГУ. Наша учебная группа состояла из трех стажеров – выпускников университетов трех регионов: Ижевск (Удмуртия), Махачкала (Дагестан), Тюмень

(Сибирь). Мы были на кафедре первыми стажерами, в последующие годы их количество увеличивалось.

В отделе аспирантуры ЛГУ нам было предложено сдать в течение года кандидатские экзамены по философии и второму иностранному языку (в моем случае немецкому) в своем вузе. Весной данные экзамены были мной успешно сданы в стенах родного университета, и результаты представлены в отдел аспирантуры ЛГУ.

Учебный процесс во время стажировки был очень насыщенным и интенсивным. Нам были предложены дисциплины, включенные в экзамены по специальности. В течение года для нас троих проводили практические занятия по следующим предметам: классическая латынь, поздняя латынь, старофранцузский язык (в контексте истории французского языка), итальянский язык (второй романский). Кроме того, у каждого стажера была возможность выбора, по согласованию с заведующим кафедрой, можно было посещать лекции по теории современных романских языков для студентов разных отделений (изучающих в качестве основного языка французский, испанский, итальянский, португальский или румынский). Мысленно возвращаясь в те далекие годы, я с удовольствием вспоминаю прекрасные занятия по старофранцузскому языку с доцентом (вскоре профессором) М. К. Сабанеевой и блестящие лекции по романской филологии профессора Т. А. Репиной. Благодаря им эти дисциплины стали путеводной звездой в моих дальнейших научных исследованиях.

В конце учебного года все стажеры представили научный реферат по избранной в начале учебного года теме (связанной с современным французским языком), сдали экзамены по изученным в течение года дисциплинам, прошли собеседование

с представительной комиссией ученых кафедры романской филологии и были рекомендованы для поступления в аспирантуру.

Нужно отметить, что преподаватели кафедры проявляли искреннюю заинтересованность в наших успехах. До сих пор я храню теплые воспоминания об этом стартовом периоде в своей научной карьере. Более того, на протяжении долгих лет своей профессиональной деятельности я всегда ощущала поддержку кафедры романской филологии ЛГУ (сегодня СПбГУ).

Аспирантура

Мне повезло, моим научным руководителем назначили доктора филологических наук (вскоре профессора) Тамару Александровну Репину. Она только что защитила докторскую диссертацию и стала в последующие годы одним из ведущих романистов Советского Союза и зарубежья. Я была ее первой аспиранткой. На первом году обучения, с первых дней нашего знакомства она начала заниматься со мной персонально румынским языком. Это продолжалось в течении двух месяцев, пока не была создана учебная группа из стажеров и аспирантов, в которой я продолжила изучение румынского языка в течение учебного года. Будучи создателем румынского отделения на кафедре в 50-е гг., Тамара Александровна была твердо убеждена в том, что каждый романист должен иметь сведения об этом языке. Он выделяется среди других романских языков (в частности, своей падежной системой, благодаря значительному влиянию со стороны славянских языков).

Главная заслуга Тамары Александровны состояла в том, что она научила меня технологии научной работы, привила вкус к анализу языкового материала (условие было одно: его должно быть много). Когда я невнятно излагала свои мысли на бумаге, то могла услышать: «В огороде бузина, а в Киеве

дядька» (бессмыслица, т.е. отсутствие логики в рассуждениях). Если неграмотно проводила сравнение языковых фактов, то она могла сурово произнести: «Тамарочка, не сравнивайте колбасу с ножкой дивана». Особенно ее удручало в тексте пустословие, она говорила: «Если слово, фразу или абзац убрать из текста и смысл не потеряется, то уберите их сразу при написании».

Разработанный научным руководителем в докторской диссертации «срезовый метод» на материале романских языков (сопоставление конкретных языковых явлений с одинаковых позиций) позволил мне применить его в моей кандидатской диссертации при изучении синтаксиса в старофранцузском и современном французском языках. Только со временем я стала осознавать, что данный метод является универсальным. Я применила его и в докторской диссертации, исследуя лексику разноструктурных языков: французского (романского), английского, немецкого (германских), русского (славянского) и удмуртского (финно-угорского) [Зеленина, 2003]. Данной стратегии стараюсь придерживаться в работе со своими диссертантами. Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Каждая новая работа вносит свои нюансы, но стратегия проведения исследования остается незыблемой. Научный руководитель должен знать, как не надо исследовать и описывать языковой материал, а как надо – это прерогатива диссертанта. Такое понимание позволило мне зарегистрировать научную школу и получить признание в среде ученых в виде почетного звания Российской академии естествознания: «Основатель научной школы «Методология сравнения языков и лингвокультур в диахронии и синхронии» (2020).

К моему 60-летнему юбилею Тамара Александровна опубликовала статью «Профессор Т. И. Зеленина – автор научных исследований в области языкознания» (2009), в которой она проводит анализ моих научных публикаций. Далее будет процитирована только часть статьи, касающаяся непосредственно моей кандидатской диссертации, представленной в данной монографии в полном объеме.

* * *

Из статьи профессора Т. А. Репиной

Началом научной деятельности Тамары Ивановны Зелениной можно считать вторую половину 1970-х годов, когда она, как одна из лучших выпускниц факультета романо-германской филологии Удмуртского государственного университета, была направлена на стажировку в Ленинградский (ныне Санкт-Петербургский) государственный университет, где по истечении срока научной стажировки успешно сдала экзамены, открывшие ей путь в очную аспирантуру кафедры романской филологии этого университета.

В качестве диссертационного исследования Т.И. Зелениной была выбрана тема из области исторического синтаксиса французского языка, которая потребовала от нее упорного и не всегда легкого труда. Вместе с тем, работа над темой будущей диссертации помогла Тамаре Ивановне сформироваться как исследователю, умеющему наблюдать, обобщать и оценивать языковые факты, изучать их в свете происходящих в языке с течением времени изменений. В своей дальнейшей деятельности она с успехом реализовала приобретенные в процессе написания диссертации навыки и приемы научного исследования.

В кандидатской диссертации, защищенной в 1981 году в Ленинградском государственном университете по специальности 10.02.05 – романские языки [Зеленина, 1981], Т. И. Зеленина сопоставила два синхронных среза в истории французского языка: старофранцузский (IX–XIII вв.) и современный язык (XIX–XX вв.), т. е. два этапа функционирования одного и того же языка, разделенные интервалом в 600–700 лет. Предмет исследования составили общевопросительные предложения типа русского «Вы знаете этого человека?» и т. п., характеризующиеся отсутствием вопросительного слова (например: кто? где? когда? и др.). Особенность данных предложений во французском языке в изучаемых периодах состоит в том, что они допускают два типа синтаксической структуры: с инверсией подлежащего (*Connaissez-vous cet homme?*) и при помощи прямого порядка слов (*Vous connaissez cet homme?*).

Попытки найти объяснение выбора говорящим того или иного из сосуществующих способов построения общевопросительного предложения предпринимались и ранее. Но последовательной разработки вопроса с целью выяснения того, что же изменилось в языке с течением времени, в каком направлении шло развитие французского языка в изучаемой области и какие факторы семантического, синтаксического и коммуникативного плана повлияли на произошедшие изменения, до работы Т. И. Зелениной не проводилось, хотя в целом научная литература, посвященная французскому вопросительному предложению, была достаточно обширной.

Новым в кандидатской диссертации Т. И. Зелениной явился избранный ею ракурс исследования (сопоставление двух разновременных пластов языка с позиции взаимодействия разных уровней его реализации – типологический подход

к изучению истории языка). Результаты, к которым она пришла, показав на конкретном языковом материале и тем самым доказав, что «вытеснение инверсии прямым порядком слов в современном французском языке происходит избирательно: интенсивность этого процесса связана с семантическим типом вопроса».

Для исторического синтаксиса французского языка важно также наблюдение Тамары Ивановны о том, что в изучаемый ею временной интервал изменилась семантическая маркированность порядка слов в общевопросительном предложении: если в старофранцузский период семантически маркированным (т. е. соотносимым с определенным типом ситуации, порождающей вопрос) был прямой порядок слов, то в современном языке семантически маркированной оказалась инверсия. Полученные в ходе работы над кандидатской диссертацией выводы (а они касаются и роли актуального членения предложения, и использования приема эллипсиса в общевопросительных предложениях, и многих других вопросов, связанных с взаимодействием семантики и синтаксиса) *до сих пор не утратили своей актуальности* [Репина, 2009: 9–10]. Курсивом выделены слова мною (Т.З.).

* * *

Эти слова написаны 15 лет назад, именно тогда Тамара Александровна предложила мне опубликовать материалы диссертации по историческому синтаксису в виде монографии. Но публикация «старого» материала не показалась мне актуальной. Прошло еще 15 лет. На сегодняшний день, с того момента, когда я начала свою исследовательскую деятельность, поступив в 1974 г. в аспирантуру, прошло 50 лет (полвека!). Не раз я возвращалась к идее моего Учителя, перелистывая свою работу, и лишь сейчас принимаю решение опубликовать

диссертацию в том виде, в каком она была представлена к защите. Почему?

Во-первых, отдать дань уважения моему научному руководителю Тамаре Александровне Репиной, без которой моя жизнь имела бы иной смысл. После окончания аспирантуры она продолжала проявлять интерес к моей научной деятельности, искренне радовалась моим успехам. И мне хотелось ее радовать.

Во-вторых, опубликованные мною ранее материалы по теме кандидатской диссертации имеются в небольших статьях. В те годы публикация в научных сборниках из-за их малого количества (тем более в научных журналах) для начинающего исследователя представляла значительную сложность. Я не удивилась, когда узнала, что проверка на антиплагиат подготовленной к изданию рукописи показала высокую степень авторства (92 %), новизна очевидна.

Что касается актуальности, то, с точки зрения сегодняшнего дня, это экскурс в историю развития филологической науки (область иностранных языков) в середине прошлого века. Сегодня и темы исследования другие, и манера изложения иная, нет необходимости вклеивать буквы в пяти экземплярах диссертации, если допустил ошибки в тексте при печатании на двух машинках (с русским и иностранным шрифтом). Я радуюсь техническому прогрессу, способствующему развитию наук. Неизменным останется то, что научные исследования будут требовать усилий всегда. А результаты, приносящие радость, появятся в том случае, если ты занимаешься любимым делом. Именно этого я желаю начинающим исследователям. Дорогу осилит идущий!

* * *

Данная монография едва ли бы появилась на свет, если бы не взялась перепечатать с трудом читаемый текст диссертации, (напечатанный через копирку) Т. П. Смирнова, моя ученица со студенческих лет, выпускница французского отделения факультета романо-германской филологии УдГУ (успешно справившаяся с текстом на русском, старофранцузском и современном французском языках). С начала 90-х гг. она работает в «Научно-методическом объединении «Иж-Логос» при УдГУ (созданном мною в 90-е гг., но это уже другая моя научная история!). Более 20 лет она была бухгалтером, получив второе высшее (экономическое) образование, в настоящее время продолжает работать методистом.

Я искренне благодарю Татьяну Павловну за многолетнее комфортное сотрудничество, а также за предоставленную мне возможность сказать спасибо в виде монографии моему Учителю, доктору филологических наук, профессору Тамаре Александровне Репиной. Там, сверху, она ее увидит и порадуется тому, что ее идея реализована.

ВВЕДЕНИЕ

Изучению вопросительных предложений в разных языках, в том числе романских, уделяется большое внимание, и это не случайно: вопрос относится к таким формам выражения мысли, которые стимулируют и направляют сам процесс речевого общения. Запрашиваемая в форме вопросительного предложения информация предполагает ответную реакцию, а следовательно, служит началом диалога. Вопрос представляет собой форму движения мысли, поиск новой ступени знания, что делает его особенно значимым для исследования [Лимантов, 1971: 4].

Анализу вопросительного предложения в современном французском языке посвящены многочисленные работы, в которых изучается конкуренция различных способов построения вопросительного предложения, их распределение по стилям речи и т. п. Применительно к старофранцузскому периоду мы располагаем двумя специальными работами (одна из них – это диссертация, выполненная немецким ученым и относящаяся к прошлому столетию, другая – обобщение наблюдений советского исследователя, представленных в виде тезисов [Schulze, 1884; Янош, 1964: 61–63]), а также разделами в монографиях по историческому синтаксису французского языка. В этих работах изучаются возможности расположения в старофранцузском вопросительном предложении разных его членов и некоторые более общие аспекты порядка слов, предпринимаются попытки выяснить особенности интонации вопросительных предложений в старофранцузский период.

Имеется несколько специальных исследований, в которых изучается материал, относящийся к разным периодам ис-

тории французского языка, высказываются гипотезы относительно появления синтаксических структур, интерпретируются отдельные факты языка [Renchon, 1967]. Однако изучения материала того или иного синхронного среза в целях его последовательного сопоставления с другими синхронными срезами в исследованиях, посвященных французскому вопросительному предложению, не проводится.

Несмотря на наличие серьезных работ по вопросительному предложению и его истории, до сих пор остается все же неясным, что именно служило импульсом изменений в данной области французского исторического синтаксиса, каковы те моменты, которые обусловили историческое развитие вопросительных структур. Существование различных гипотез относительно эволюции вопросительных предложений и необходимость выбора наиболее достоверной из них требуют детального анализа языковых фактов в их совокупности и под различным углом зрения.

В последние десятилетия достигнут несомненный прогресс в области изучения различных явлений синтаксического строя языка в плане их семантической и коммуникативной характеристики. Разработка вопросов, связанных с семантической интерпретацией синтаксических структур и актуальным членением предложения, применительно к современному французскому вопросительному предложению только начинается. Что же касается старофранцузского материала, то с этой точки зрения он до сих пор не изучался.

А к т у а л ь н о с т ь исследования определяется, таким образом, важностью того места, которое занимает вопрос в процессе общения носителей языка, отсутствием исторических исследований, ставящих своей целью изучение в сопоставительном

плане различных аспектов французского вопросительного предложения, а также необходимостью изучения языковых изменений с учетом последних достижений современной лингвистической теории.

В качестве п р е д м е т а исследования избрана одна из двух разновидностей французских вопросительных предложений – так называемые общевопросительные предложения. Выбор данной разновидности объясняется тем, что наибольшую неоднородность семантической и коммуникативной характеристики обнаруживают именно такие предложения, в которых отсутствует вопросительное слово. Присутствие последнего создает в предложении своеобразный центр вопросительности, в связи с чем изучение так называемых частновопросительных предложений выдвинуло бы совершенно иной круг вопросов [Смирнова, 1978; Шигаревская, 1970: 72]. Выбор для изучения общевопросительных предложений диктовался также меньшей их изученностью на материале старофранцузского языка по сравнению с частновопросительными, что, возможно, объясняется их относительно редкой встречаемостью. З. П. Янош определяет соотношение общевопросительных и частновопросительных предложений в старофранцузских текстах как 1: 4 [Янош, 1964: 62]. К тому же самостоятельное рассмотрение общевопросительного предложения позволяет сосредоточить внимание на различных аспектах его характеристики, подвергнуть более детальному анализу исторические изменения, произошедшие в структуре предложения, осветить некоторые, ранее не изученные моменты его смысловой организации.

То или иное синтаксическое явление может изучаться в историческом плане двояко: либо путем анализа языковых фактов, относящихся к непосредственно следующим друг за другом периодам истории языка, либо путем сопоставления

синхронных срезов языка, отделенных друг от друга сравнительно продолжительным отрезком времени. Применительно к истории французского языка это могут быть старофранцузский (IX–XIII вв.) и сугубо современный период (50-е – 70-е гг. XX в.), т. е. синхронные срезы, между которыми лежит промежуток времени в 700 и более лет.

В диссертации используется второй метод исследования. Изучение начального и конечного на сегодняшний день периодов истории французского языка без обращения к промежуточным этапам позволяет с наибольшей очевидностью выявить как относительно стабильные звенья языка, так и произошедшие в языке исторические изменения. Сопоставление не контактирующих синхронных срезов представляется оправданным также и потому, что любой период истории языка, являясь переходным к следующему, вместе с тем представляет самостоятельную систему, имеющую свою собственную специфику ([Парамонова, 1976: 3], там же ссылки на более ранние публикации, в которых освещается вопрос о системности любого синхронного среза в истории языка). Основной м е т о д исследования и составил сопоставительный анализ языкового материала, относящегося к старофранцузскому и современному периоду. Главным условием применения названного метода исследования является рассмотрение языковых фактов каждого из сопоставляемых срезов с одних и тех же позиций [Репина, 1974: 119]. Параметрами, по которым проводилось сопоставление старофранцузского и современного языкового материала, явились: семантико-синтаксическая характеристика общевопросительного предложения (раздел 1), его актуальное членение (раздел 2) и содержание вопросов (раздел 3).

Ц е л ь диссертации состоит в выявлении и изучении тех факторов, которые могли вызвать исторические изменения в области французского общевопросительного предложения.

В з а д а ч и работы входит:

1) рассмотреть французское общевопросительное предложение на каждом из изучаемых синхронных срезов и в сопоставительном плане с учетом разных аспектов его характеристики;

2) выяснить возможные в данной области языка формы взаимодействия синтаксического, семантического и коммуникативного уровней;

3) изучить конкретные формы связи содержательной стороны предложения с внеязыковой действительностью.

Н а у ч н а я н о в и з н а исследования состоит в том, что французское общевопросительное предложение изучается в нем впервые на основе применения историко-сопоставительного метода; предлагается лингвистическая интерпретация изменений, имевших место в данной области французского исторического синтаксиса, семантическом аспекте и в свете теории актуального членения предложения; выявляется механизм внутренней перестройки общевопросительного предложения от старофранцузского к современному периоду.

М а т е р и а л и с с л е д о в а н и я. Была проведена сплошная выборка примеров из 526 имевшихся в нашем распоряжении старофранцузских текстов (объемом 150 тыс. страниц), что дало свыше 3000 общевопросительных предложений. Современный французский материал представлен в нашей выборке 6000 примеров (около 60 художественных произведений объемом 17 тыс. страниц).

На з а щ и т у в ы н о с я т с я следующие основные положения диссертации:

1. История французского общевопросительного предложения представляет собой результат взаимных влияний синтаксических, семантических и коммуникативных факторов.

2. В языке обоих периодов существуют семантически и коммуникативно нейтральные и маркированные синтаксические структуры.

3. Семантическая и коммуникативная маркированность синтаксических структур в старофранцузском и современном языке различны.

Практическое значение работы. Представленный языковой материал и полученные автором выводы могут найти применение на семинарах и в теоретических курсах по истории французского языка, а также в спецкурсах по сравнительно-исторической типологии романских языков в разделах, посвященных историческому синтаксису.

Структура диссертации. Диссертация (161 стр. машинописного текста, из них 133 стр. основного текста) состоит из введения, трех глав, заключения, списка цитируемой научной литературы (81 наименование на русском языке, 47 – на иностранных языках), списка сокращений названий цитируемых художественных текстов.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы три статьи. Результаты исследования обсуждены на заседании кафедры романской филологии Ленинградского государственного университета. Материал диссертации и наблюдения автора были использованы им при подготовке спецкурса на тему «Эволюция порядка слов во французском языке», прочитанного в 1978–79 учебном году для студентов IV курса французского отделения факультета романо-германской филологии Удмуртского государственного университета.

Раздел 1. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

1.1. Семантические типы вопросов и критерии их определения

Вопросительные предложения неоднородны по своему целевому назначению: говорящий может задать вопрос из желания получить в ответ на него какую-либо информацию, он может облечь в форму вопроса свое эмоциональное отношение к факту действительности и т. д. Это ставит исследователей перед необходимостью выделения определенных семантических типов вопроса.

Исследуя материал русского языка, П. Рестан объединил все вопросительные предложения в две большие группы – информативные и неинформативные вопросы, а из числа первых выделил, в свою очередь, две разновидности: чисто-информативные и презумптивно-информативные. Вопросы, названные им чисто-информативными, возникают в результате отсутствия у говорящего интересующей его информации; презумптивно-информативные имеют целью получить подтверждение возникшего предположения (догадки). Во всех других случаях человек, задавая вопрос, не преследует цели получения информации [Рестан, 1966: 132–149] (ср. также деление вопросительных предложений на «подлинно-вопросительные», «подтвердительно-вопросительные», «формально-вопросительные» [Фридман, 1960: 4–6]).

В последнее десятилетие появился ряд исследований, в которых на материале разных языков, в том числе французского, разрабатываются отдельные аспекты семантической

классификации вопросительных предложений [Moignet, 1966, № 3: 49–66; Greive, 1974; Давыдова, 1966, т. 27, вып. I: 91–97; Терешкина, 1971; Шмелькова, 1977: 70–77 и др.].

Изучение имеющейся по данному вопросу лингвистической литературы позволило составить представление о наиболее существенных семантических типах вопроса и выработать критерии их определения. Поскольку критерии выделения семантических типов применимы к вопросительным предложениям обоих изучаемых нами периодов, это позволило ограничить иллюстративный материал в настоящем разделе примерами, относящимися лишь к современному французскому языку.

1. **Информативный вопрос.** Определить отнесенность вопросительного предложения к этому семантическому типу удается прежде всего по предшествующему ему контексту, из которого вытекает факт незнания человеком, задающим вопрос, запрашиваемой им информации. Ср.:

Il demanda: – Qu'est-ce que tu as fait hier? ***Tu es sortie?****...*
– Non, j'étais fatiguée… [Sartre, Age: 12–13]

Из предшествующего общевопросительному предложению частновопросительного ясно, что человек, задающий вопрос, не имеет никакого представления о том, как провела вчерашний вечер его собеседница.

В некоторых случаях в самом предложении имеются своеобразные сигнализаторы информативного характера вопроса, например, альтернативный союз:

– Est-ce toi ***ou*** *lui?*
– C'est nous deux… [Cocteau : 22]

* * *

– *Vous l'aimez forte,* ***ou*** *pas forte?*
– *Pas trop tout de même.* [Pagnol, César: 164]

Ср. также:

En es-tu heureuse ***au moins****?* [Charles-Roux: 99]

* * *

Tu vas en week-end ***quelque part****, cette semaine?* [Hériat: 58]

Наречия *au moins, quelque part* эксплицитно подтверждают заинтересованность говорящего в получении соответствующей информации. Наличие подобных слов в общевопросительном предложении также может служить критерием их отнесения к информативному типу.

2. **Презумптивный вопрос** (по терминологии П. Рестана, презумптивно-информативный) – вопрос, содержащий предположение (презумпцию): у одного из участников беседы (диалога) на основании увиденного или услышанного может возникнуть та или иная догадка. Желая ее подтвердить, он и задает вопрос собеседнику.

Критерием определения семантического типа вопроса и в данном случае служит прежде всего предшествующий контекст:

– *Vous connaissez pas la cliente du 72, vous connaissez pas le vieux du 49!* ***Vous êtes toute neuve ici?***
– *Oui, oui, je suis là depuis… trois jours…* [Théâtre, 1976, № 595: 10]

Один из участников речевой ситуации узнает, что его собеседница не знакома с людьми, проживающими в том же отеле, где живет она сама; на основании этого он делает заключение, что она недавно поселилась там, однако полной уверенности в этом

у него нет (факт отсутствия личного знакомства может объясняться другими причинами), отсюда – вопрос-предположение (презумптивный вопрос).

Вторым критерием отнесения общевопросительного предложения к презумптивному типу является наличие в составе самого предложения своеобразных семантических сигнализаторов. К таковым относятся «внешние средства вопроса»: *n'est-ce pas, je crois, j'espère, tu trouves, oui ou non* и т. п. [Луев, 1972: 12–13], ср.:

– *Elle est encore dans ton bureau,* ***n'est-ce pas?*** *Laisse-moi lui parler une minute.* [Nous Deux, № 1242: 34]

Также к семантическим сигнализаторам можно отнести модальные слова типа *peut-être, sans doute, certainement* и т. п. [Щетинкин, 1959, вып. 96: 10]:

– *Mes pauvres enfants, c'est bien la vérité vraie… La Berlurette n'est plus là. …*
– *Elle s'est* ***peut-être*** *enfoncée sous la terre? suggera Petit-Beurre.*
– *Non, dit le maître, pas possible, le terrain ne s'y prête pas.*
[Gamarra, Mystère: 51]

Учитель говорит о неожиданном для всех событии (внезапном исчезновении реки), у одного из учеников возникает догадка, которую он и формулирует в виде вопроса.

Что касается ответа (ср. ответы в приведенных выше примерах), он не может считаться достаточно надежным критерием разграничения информативных и презумптивных вопросов. Чаще всего ответы на вопросы того и другого семантического типа содержат определенную информацию и сами по себе не позволяют определить тип вопроса.

3. **Вопрос-констатация.** В вопросах этого типа либо воспроизводится предшествующая реплика:

– *Attendez … J'y suis allé.*
– ***Vous y êtes allé?***
– *Il le fallait…* [Boulle: 137],

либо констатируется тот или иной факт:

– *Qu'est-ce que tu fais?*
– *Ça se voit pas?*
– ***Tu fais tes valises?***
– *Bravo!* [Théâtre, 1976, № 595: 19]

* * *

Le jour de son mariage, deux heures avant la cérémonie…
– ***Vous êtes déjà ici?*** *Mais il est encore tôt.*
– *Je suis seule et je savais que vous trouverais seul.* [Nous Deux, № 1220: 31]

В обоих случаях передаваемый вопросом факт очевиден: форма вопроса служит целям передачи эмоционального отношения к этому факту [Ленца, 1977: 48–57; Pinchon, 1967, № 49: 49]. Вопрос-констатация относится к вопросам неинформативного типа.

Критерием выделения этого типа вопроса служит предшествующий контекст, в котором либо содержится воспроизводимая в вопросе реплика, либо задается вполне определенная ситуация.

4. **Побудительный вопрос** – это также информативный вопрос. Его целью является приглашение (побуждение) к действию, предложение (или запрет) сделать что-то (о способности вопросительных предложений выступать в функции по-

буждения см., например [Блох, 1976, № 5: 22]). Критерием отбора таких вопросов служит чаще всего последующий контекст:

*"**Tu veux l'essayer?**"*
Edmée, qui ne savait pas patiner, prit place dans le traîneau.
[Simenon, Maison : 41]

* * *

– ***Peux-tu me changer un chèque?*** *demanda-t-il.*
... Il rédigea le chèque et reçut dix plaques de cinq mille.
[Vailland, Coups: 114]

Предложения, подчеркнутые в примерах прерывистой чертой, показывают, что вопрос содержит предложение выполнить действие (в первом случае – прокатиться на санях, во втором – поменять чек).

В побудительных вопросах обычно присутствует модальный глагол (*pouvoir, vouloir*), хотя это не обязательно. Из предложений, не содержащих модального глагола, наиболее распространены в функции побудительных вопросов предложения с глаголом в *future immédiat*. Вопросительные предложения, в которых употреблена форма будущего, получили в современном языке особое распространение [Шигаревская, 1977: 18]:

– *Ooh! Et il essaie de déchirer la photo d'Adé.*
– ***Mais tu ne vas déchirer sa photo?*** [Salacrou, Histoire: 83]

Форма вопроса в предложениях побудительного типа вносят элемент вежливости, смягчает категоричность просьбы (приказания).

5. **Вопрос-размышление** – это, как правило, вопрос, адресованный самому себе, т. е. соотнесенный с актом мысли и выражающий колебания говорящего, его сомнения в чем-то:

*Brunet pense: "**Ai-je le droit de l'empêcher de sauter?**"* [Sartre, Mort: 431]

* * *

*Elzéar hésite. **Va-t-il partir? Va-t-il rester?*** [Pagnol, César : 27]

* * *

*La chaleur du bûcher, dans sa chair, se mêlait intimement à celle de la fièvre… **Allait-elle avoir la scarlatine?** Cette idée lui faisait mal aux nerfs…* [Simenon, Maison: 100]

Вопрос-размышление может быть передан как в виде прямой речи (1 лицо), так и в форме несобственно прямой речи (*je* → *il, elle*). Глагол предпочтительно употребляется в будущем времени, хотя это не обязательно.

Размышления человека, задающего вопрос, могут сопровождаться определенным эмоциональным отношением:

***Pensait-il à elle? Avait-il deviné quelque chose de sa vie? Avait-il fait exprès?** Elle se sentait envahie de colère à cette pensée.* [Sagan, Brahms: 60]

В данном случае, как видно из слов автора, это чувство гнева.

Критериями отбора вопросительных предложений данного семантического типа служили отнесенность вопроса к акту мысли (внутренний разговор человека с самим собой или высказанные им вслух мысли, не нуждающиеся в ответе) и наличие оттенка неуверенности в содержании самого вопроса. При передаче размышлений персонажа авторы нередко прибегают к приему нанизывания вопросов, как в только что приведенном примере.

6. **Риторический вопрос** сближает с вопросом-размышлением отнесенность к акту мысли: это тоже, как правило, разговор с самим собой или высказанные вслух мысли, не нуждающиеся в ответе. Однако в то же время риторический вопрос

принципиально отличается от вопроса-размышления. Оттенок неуверенности в риторическом вопросе отсутствует. И, напротив, в нем присутствует уверенность, но уверенность в обратном тому, что выражено формой вопроса. По своему логическому содержанию риторический вопрос интерпретируется слушающим как имплицитное суждение: риторический вопрос, отрицательный по форме, является утвердительным по содержанию, утвердительный по форме – отрицательным по содержанию, т. е. он содержит в себе «скрытое утверждение» [Грамматика, 1970: 573]. Риторические вопросы придают эмоциональность высказыванию [Борисюк, 1968: 13], они не нуждаются в получении информации, следовательно, выступают во вторичной функции [Русина, 1976: 74].

Так, например, задавая вопрос в приводимом ниже контексте:

> – *Mais je ne comprends pas, reprit-il avec plus de force. Non, je n'y comprends rien.* ***Suis-je si idiot?*** *Quelle autre solution pouviez-vous proposer?* [Marceau: 212–213],

говорящий как-бы утверждает обратное (Не так уж я глуп, чтобы не понять, а вот не понимаю, значит, дело не во мне).

Ср. отрицательный по форме вопрос:

> – *Mais pourquoi vous a-t-elle écrit?*
> – ***Vous-même ne m'avez-vous pas écrit?*** [Salacrou, Histoire: 153],

передающий утверждение (А Вы мне разве не писали? = Вы мне тоже писали).

7. **Презентативный вопрос** – это вопрос, преследующий цель обратить внимание собеседника на тот или иной факт. Такие вопросы по существу теряют грамматическое значение вопросительности [Терешкина, 1971, т. 59: 332]. Например:

– ***Tu sais?*** *J'ai vu Brunet, hier.* [Sartre, Age: 334]

* * *

– *Il fallait faire vite,* ***vous comprenez?****... Je pouvais la recevoir d'un moment à l'autre …* [Simenon, Maigret revient: 29]

Задавая вопрос типа *Tu sais?* (Г. Раншон полагает, что формулы типа *tu sais? vous savez?* могли прийти из Бельгии (*du "parler belge"*), где они давно получили распространение [Renchon, 1967: 116]), *Vous voyez? Vous comprenez?*, говорящий не столько интересуется, действительно ли знает, видит или понимает что-то его собеседник, сколько приобщает последнего к восприятию взволновавших его самого событий.

Таким образом, один и тот же способ выражения (общевопросительное предложение) служит во французском языке (как и во многих других языках) разным целям, в зависимости от чего вопросы и распределяются по нескольким семантическим типам.

Учитывая отношение рассмотренных выше семантических типов вопроса к самому значению вопросительности, функционально-семантическое поле [Бондаренко, 1971] вопросительности можно графически представить следующим образом:

В центре вопросительности находится информативный вопрос, диктуемый незнанием чего-то и желанием устранить это незнание. Из других семантических типов вопроса ближе всего к информативному презумптивный вопрос, который, хотя и направлен на получение информации, лишь отчасти диктуется незнанием. Во всех остальных семантических типах вопроса информативная направленность отсутствует и значение вопросительности в той или иной мере ослаблено.

При анализе старофранцузского и современного французского материала далее учитываются представленные выше семантические типы вопросов и их отношение к центру / периферии семантического поля вопросительности.

1.2. Инвертированный / прямой порядок слов

В работах ученых, исследовавших французское вопросительное предложение, неоднократно указывалось на то, что основным направлением эволюции языка от старофранцузского к современному периоду было изменение порядка слов: в современном французском языке ведущей в вопросительном предложении является структура с прямым порядком слов, в отличие от старофранцузского, где несомненно преобладающим был инвертированный (обратный) порядок слов [Koopmann, 1910: 61; Guiraud, 1974: 90 и др.].

Появление простой инверсии во французском вопросительном предложении одни исследователи объясняют германским влиянием [Le Bidois, 1938; Cohen, 1967: 123]. Другие ученые на основании того, что инверсия присуща не только французскому, но и немецкому и английскому языкам, рассматривают ее как естественный способ выражения вопроса [Foulet, 1921, t. 47: 244–245; Damourette et Pichon, 1934: 7].

Наша выборка полностью подтвердила это наблюдение. Использовался способ прямых количественных подсчетов. О роли количественной обработки материала и тех моментов, которые при этом должны учитываться, см.: [Гиро, 1976: 47; Иванов, 1976: 41]. Количественная обработка материала (для сопоставления взят еще один, промежуточный, синхронный срез – XVI–XVII вв.) дала следующие результаты (использовался способ прямых количественных подсчетов). На три тысячи примеров каждого периода, собранных методом сплошной выборки, оказалось:

Таблица 1 – Соотношение инверсии и прямого порядка слов в диахронии

	IX–XIII вв.	XVI–XVII вв.	XX в.
С простой инверсией	2 327	1 995	439
С прямым порядком слов	91	623	2 320

В подсчеты включены только простая инверсия и прямой порядок слов, поскольку именно они в структурном отношении противостоят друг другу, ср. в современном французском и старофранцузском: *Part-il? / Il part?*, в старофранцузском также: *Part vostre pere? / Vostre pere part?* Сложная инверсия изучается в другой связи во втором разделе. Предложения с оборотом *est-ce que* появились к XVI в. и, следовательно, в данном случае нет оснований для сопоставления. Старофранцузские структуры с имплицитным подлежащим типа *Avez oï la novele?* не имеют соответствий в современном языке. Относительно использования последнего типа структур в старофранцузском языке см. [Scårup, 1975, № 6: 158–159].

Проникновение прямого порядка слов в общевопросительное предложение, таким образом, началось еще в старофранцузский период, его использование заметно возросло к XVI–XVII вв. и стало безусловно преобладающим к 50–70-м годам XX столетия. По данным исследователей в современной разговорной речи от 77 % до 99 % общевопросительных предложений приходится на прямой порядок слов [Schlyter, 1957, № 1: 113–114; Pohl, 1965, t. II: 505–506; Шигаревская, 1970: 75].

По поводу объяснения этого несомненного факта высказан ряд гипотез. Например, гипотеза о логическом развертывании мысли от субъекта к объекту [Foulet, 1921; Dabrowska, 1973: 91], об устранении расхождений между интонационным рисунком и смысловой структурой предложений [Boer, 1926, t. 52: 311–313] и другие. Особого внимания, с нашей точки зрения, заслуживает следующая гипотеза: прямой порядок слов первоначально проник в такие вопросительные предложения, которые самим своим содержанием уже предполагали ответ. Эта гипотеза была высказана еще в XIX в. Е. Мецнером [Mätzner, 1885: 586] и поддержана учеными XX столетия [Foulet, 1921, t. 47: 322; Brunot, 1922: 489; Шигаревская, 1963, № 2, вып. I: 115].

В связи с высказанным исследователями французского языка предположением возникает ряд вопросов. Связан ли прямой порядок слов в старофранцузском языке с тем или иным семантическим типом общевопросительного предложения? Возможны ли такие случаи, когда в аналогичных контекстах этого периода одновременно используются два типа синтаксического построения (прямой порядок слов и простая инверсия)? Как с этой точки зрения обстоит дело в современном языке? А также некоторые другие, не менее важные вопросы.

Старофранцузский период

Основной синтаксической структурой старофранцузского общевопросительного предложения был, как отмечалось выше, обратный порядок слов. На прямой порядок слов в этот период приходится лишь 3 % всех примеров. В целях изучения истоков заинтересовавшего нас явления представилось целесо-

образным, однако, начать исследование с рассмотрения прямого порядка слов, наименее типичного для старофранцузского периода, но перспективного для дальнейшей истории французского языка.

Имеющиеся в нашем распоряжении старофранцузские примеры с прямым порядком слов представлены несколькими разновидностями контекстов.

1. В предыдущей реплике утверждается какой-то факт или высказывается какая-то мысль. Собеседник реагирует на нее, воспроизводя ее в тех же словах, но с вопросительной интонацией:

– Ge sui celui que vos querez,
Renart vostre bon conpaingnon.
– Va ta voie, fet il, bricon!
Tu es Renart? *– Voire par foi.* [Renart, II: 17, 574–577]

(– Я тот, кого вы ищете,
Ренар, ваш добрый товарищ.
– Иди своей дорогой, плут, – говорит он.
– **Это ты-то Ренар?** – Это действительно так.)

Здесь и в дальнейшем даются переводы старофранцузских примеров, которые выполнены мною (Т. З.).

* * *

– Je le te dirai, fait Merlins,
car je sai bien que tu me veuls demander.
– ***Tu le sais?*** *fait li rois: encore ne le t'ai je pas dit.*
Comment puet chou estre? [Merlin, I: 161]

(– Я тебе это скажу, – говорит Мерлин, – потому что я хорошо знаю, о чем ты меня хочешь спросить.

– **Ты это знаешь?** – говорит король, – но ведь я же тебе этого еще не сказал. Как это может быть?)

Ср. аналогичный пример, приводимый А. Шульце:

– *Que bien sai que cist t'ocirroit.*
Qui conbatre vos lesseroit.
– ***Il m'ocirroit?*** *Einz ocirroie je lui.* [Schulze, 1884: 349]

(– Я ведь хорошо знаю, что тот тебя убил бы.
Кто позволил бы вам сражаться.
– **Он убил бы меня?** Скорее я его убил бы.)

См. также [Damourette et Pichon, 1934, t. IV: 327; Dauzat, 1950: 264].

Говорящий повторяет ранее сказанное в виде общевопросительного предложения, выражая тем самым свое эмоциональное отношение к тому, что ему было сообщено в предыдущей реплике. В первом примере – это возмущение, что подтверждается эксплицитно (*va ta voie … bricon!*), во втором – удивление, также обозначенное эксплицитно в следующих за вопросом словах (*encore ne le t'ai je pas dit*).

Эксплицитный показатель характера эмоционального отношения может, правда отсутствовать, ср.:

– *Ce verroiz-vous, fet-il, partans.*
– ***Jel' verrai?*** – *Voire.* [Troyes, Charrette: 60, 496–497]

(– Это вы увидите, – говорит он, уходя.
– **Я это увижу?** – Конечно.)

Ср. наблюдения П. Скарупа, который считает, что смысл данной вопросительной конструкции не *Est-ce que je le verrai?*, а *Est-ce que vous dites que je le verrai?* [Scårup, 1975, № 6: 162].

Повтор и здесь вызван скорее всего реакцией удивления. «Повтор, даже в его простейшем виде, создает повышенную эмоциональность высказывания» [Неустроева, 1970: 79].

Во всех подобных случаях семантический тип вопроса может быть определен как вопрос-констатация с дополнительным оттенком эмоционального отношения к соответствующему факту.

2. В вопросе констатируется увиденный или услышанный факт. В этом случае повтора предыдущей реплики, как в ранее рассмотренном контексте (1), не происходит:

– *Tu poises autant comme uns blos!*
– *Or de par Dieu!*
– ***Vous vous courcihés?*** *Venés cha, si vous rapaisiés.*
[Robin: 98, 555–557]

(– Ты ведешь себя как чурбан!
– Помилуйте!
– **Вы сердитесь?** Идите сюда и успокойтесь.)

* * *

– *Dites, paien, por Dieu, que vos avez?*
Qui estes-vos? né de quel terre nez?
Viviens l'ot, mès ne pot mot soner:
– Sire*, dist-il,* ***vos ne me ravisez?*** *Filz sui Garin …* [Orange, I: 211, 1829–1833]

(– Скажите, язычники, ради бога, чего вы хотите? Кто вы? И в какой земле родились? Вивиен это слышит, но не может вымолвить ни слова: **– Государь**, – сказал он, – **вы меня не узнаете?** Я сын Гарэна …)

В первом примере для Марион, задающей вопрос, совершенно очевидно, что Робэн сердится, она это видит и вопросом лишь выражает эксплицитно то, что для нее несомненно. Следующая за вопросом реплика (*… si vous rapaisiés*) подтверждает, что речь идет об очевидном для Марион факте. Во втором примере вопросы короля показывают молодому человеку, что он его (своего племянника) не узнал. И в этом случае вопрос носит констатирующий характер.

3. Формой вопроса отмечается факт неосведомленности собеседника и тут же сообщается что-то новое для него:

Tant parlerent et sus et jus
Que li voisin d'aval le rue
En ont la nouvelle espandue;
Se li dient: ***– Vous ne savés?***
Chius valles veut vo fille amer. [Fabliaux, II: 159]

(Столько говорили об этом повсюду,
Что соседи с нижней улицы узнали о распространившейся новости.
И ему говорят: – **Вы не знаете?**
Этот слуга полюбил (досл. хочет полюбить) вашу дочь.)

* * *

Vint à Gaydon, si dist: ***– Voz ne savez?***
Amboyns est et Sanses delivrez.
Karles les a de sa prison gietez,
Por le tressor que li donna Hardrez. [Gaydon: 60]

(Он пришел к Гвидону и сказал:
– Вы не знаете? Амбуэн и Санс освобождены.
Карл отпустил их из своей тюрьмы
За сокровище, которое ему дал Гардрез.)

В подобных случаях имеется и некоторый оттенок презентативного вопроса: одновременно формой вопроса я привлекаю ваше внимание к тому, что хочу сообщить. Предложения этого типа в силу их стереотипности можно, вероятно, рассматривать как своеобразные фразы-клише. Для старофранцузских поэм характерны фразы, переходящие из одного произведения в другое, см. [Jonckbloet, 1854: 180–181].

В следующем ниже фрагменте текста особенно очевидно совмещение в общевопросительном предложении значения констатации и презентации:

– Robin, ies tu chou? Quel novelle?
– Tu ne sais? *Marote te mande,*
Et s'averons feste trop grande. [Robin: 62–64, 276–278]

(– Робэн, это ты? Что нового?
– Ты не знаешь? Марот посылает за тобой,
У нас будет большой праздник.)

Вопрос *Quel novelle?* показывает, что один из собеседников не осведомлен о предстоящим событии. Вопросом *Tu ne sais?* констатируется этот факт и одновременно вводится последующее сообщение.

4. В вопросе содержится скрытая констатация:

Eracles le preud'omme aresne,
ki le poulain tint par le resgne.
–Preud'on (fait-il), or entendes:
C'est vostre poulain? *me vendes.*
– Varlett (fait-il) molt volentiers;
Mès il vous iert, je cuic, trop kièrs. [Eracles: 252, 13–18]

(Геракл обращается к человеку,
держащему за узду жеребенка:

– Благородный человек, (говорит он), послушайте: **– Это ваш жеребенок?** Продайте мне его.
– Молодой человек, (говорит тот), – очень охотно, но я думаю, что он будет для вас слишком дорогим.)

Рыцарь, вероятнее всего, не сомневается в том, что животное принадлежит именно этому человеку, поскольку он сразу же, не ожидая ответа, спрашивает, не продаст ли тот ему жеребенка.

– Baron**, dist li paumiers, **vos estes chevalier?
– Voire, dist Challemaines; que veuz tu et que quiers?
[Lanson: 157, 5143–5144]

(**– Бароны**, – спросил странник, – **вы рыцари?**
– Конечно, – сказал Карл Великий, – что ты хочешь и что тебе надо?)

В этом примере человек задает вопрос, обращаясь к людям, в число которых входит сам император и внешний вид которых вряд ли оставляет какие-либо сомнения в том, что они рыцари. Вопрос задается скорее с целью показать, что он об этом догадался, чем выяснить, так ли это.

В следующем фрагменте:

Lors apiela li rois Merlin, se li demande:
– Merlin, di moi des deus dragons li quels sera vaincus.
*Et Merlins dist: **– Cist quatre homme sont bien de ton conseil?***
Et il respondent: – Voire. [Merlin, I: 56]

(Тогда король позвал Мерлэна и спрашивает его:
– Мерлэн, скажи мне, который из двух воинов будет побежден. А Мерлэн спросил:

– Эти четверо людей действительно твои люди? И они отвечают: – Да.)

общевопросительное предложение также выражает скрытое утверждение, хотя и с известной долей презумпции: Мерлэн, вероятно, почти уверен в том, что короля сопровождают люди, в присутствии которых он может выразить свое мнение (ведь король сам начал разговор), однако он все же считает необходимым услышать подтверждение этому.

Среди других семантических типов вопроса встретились единичные примеры риторического вопроса, ср.:

– Que di-jo, las? porquoi le nomai?
Il me aidera? *corocé l'ai,*
Ne me ferat ja nul aïe. [Adam: 31]

(– Что говорю я, несчастный? Зачем его зову?
Разве он мне поможет? Я его разгневал,
Он никогда не окажет мне никакой помощи.)

* * *

– Oil, voir, por ce que je l'aim.
Et je m'anemie la claim? [Troyes, Chevalier: 61, 1457–1458]

(– Да, действительно, потому что я люблю ее.
И чтобы я назвал ее своим врагом?)

Вопросом передается противоположное по содержанию суждение: *Il me aidera? = Il ne m'aidera pas. Et je m'anemie la claim? = Je ne la claim ja m'anemie.* Оба вопроса не преследуют цели получения информации, а служат формой передачи скрытого утверждения.

Из имеющихся в нашем распоряжении примеров с прямым порядком слов (91) только один дал безусловно информативный вопрос:

Des or est Do a Londres la cité,
Del roi enquiert tote la verité,
– Ostes, dist il, por dieu de maïsté,
Li vostres roi est larges u avers?
Et dist li ostes: – Moult est larges. [Hantone, II: 321, 8184–8188]

(С тех пор, как До находится в городе Лондоне,
Он о короле разузнает всю правду.
– Сударь, – сказал он, – ради бога,
Ваш король щедр или скуп?
И тот сказал: – Он очень щедр.)

Единичность подобного использования прямого порядка слов не снимает, как нам кажется, справедливости сделанных выше наблюдений, которые можно резюмировать следующим образом.

В подавляющем большинстве случаев старофранцузские общевопросительные предложения с прямым порядком слов содержат элемент к о н с т а т а ц и и, либо выраженный эксплицитно, либо содержащийся в форме скрытого утверждения. Проникновение прямого порядка слов началось, таким образом, с вопросов н е и н ф о р м а т и в н ы х типов.

Предложенная ранее гипотеза нуждается, следовательно, в уточнении: дело не столько в том, что вопрос, строящийся с прямым порядком слов, предполагал ответ, сколько в том, что он не был направлен на получение информации.

Обратный порядок слов в старофранцузском общевопросительном предложении, как показал материал, встречается, в отличие от прямого, во всех без исключения семантических типах вопроса.

1. В **информативном вопросе**:

Est-il malades ou navrés ou ocis? [Loherain, II: 249]

(**Он болен, ранен или убит?**)

* * *

– Sorbrin, dist il, dites moi verité,
Avés vous riens en l'estour conquesté?
Mien essiant, vous i avés esté. [Godin: 98, 11874–11876]

(– Сорбрэн, – сказал он, скажите мне правду.
Вы что-нибудь завоевали в битве?
Насколько я знаю, вы участвовали в ней.)

В первом случае альтернативный союз *ou*, во втором само содержание вопроса показывают, что вопрос диктуется незнанием (во втором случае собеседнику известно лишь об участии рыцаря в битве).

2. В **презумптивном вопросе**:

Et dit: – Sire, molt liee sui,
Quant je vos trove si pres.
Et mes sire Yvains dit apres:
– Coment? ***Queriez me vos donques?***
– Oil voir. [Troyes, Chevalier: 246, 6666–6670]

(И она говорит: – Сударь, я очень рада,
Что нашла вас так быстро.
И мой господин Ивэн говорит тогда:
– Как? **Значит вы меня искали?**
– Да, конечно.)

Предположение подсказано предшествующей репликой (раз человек говорит, что он нашел кого-то, значит он его искал). Ср. также:

Dunt geta li messages un suspir de parfunt,
E li reis li a dit: – Icil suspir dunt sunt?
A dunc Robert de Vaus fait nule traïson? [Fantosme: 522, 1563–1565]

(Посланец глубоко вздохнул,
И король его спросил: – Что означают эти вздохи?
Уж не совершил ли предательства Робер де Во?)

где совершенно очевидно, что вопрос выражает предположение, возникшее у короля в связи с тяжелым вздохом находящегося перед ним посланца, прибывшего из осажденного города.

3. В **вопросе-констатации**:

Il li demandent qui ce fist,
Et il respont que il l'ocist,
– As tu donc, va, cest home ocis?
– Oïl, par foi! ce dit Athis. [Athis, I: 75, 2091–2094]

(Они у него спрашивают, кто это сделал,
И он отвечает, что это он его убил.
– Так ты убил этого человека?
– Да, клянусь! – говорит Афис.)

* * *

– Por les seins deu, que voi ge la?
Estes vos ce, sire conpere? [Renart: 116]

(– Святой боже, что я вижу?
Это вы, дорогой друг?)

В первом примере вопрос воспроизводит предыдущую реплику, во втором – констатирует воспринимаемый факт.

4. В **вопросе-размышлении**:

Diex! Comment? ***aim ge donques?*** [Romania: 1878, VII, 410, 93]

(О боже! Как? **Неужели я влюбилась?**)

* * *

Mes se il l'aime, qu'an féré?
En quel guise m'an contendré?
Lairé l'en je por li morir? [Athis, I: 147–148, 4235–4237]

(Но если он ее любит, что мне делать?
Каким образом мне вести себя?
Позволить ему умереть за нее?)

В обоих случаях передаются высказанные вслух мысли персонажа, его сомнения, колебания.

5. В **риторическом вопросе**:

– Amie, il vous convient aler
En paradis pour esposer!...
– Ne sui je mie en paradis?...
Ja mais ne quier partir de ci,
Mais que tu soies avec mi. [Zeitschrift: 1927, Bd. 47, 141, 637–646]

(– (Милая) подруга, вам надлежит идти
В рай, чтобы выйти замуж!...
– Разве я не в раю?...
Я никогда не пожелаю уйти отсюда,
Лишь бы ты был со мной.)

(*Ne sui je mie en paradis? = Je sui en paradis*).

* * *

– Sire, por quei m'avez traïe?
– Ge nen ai, voir ! la meie amie.
Mesfis ge vos onkes de rien? [Eneas: 65–66, 1749–1751]

(– Государь, почему вы меня предали?
– Да нет же, моя милая.
Разве я когда-нибудь в чем-то обманывал вас?)

(*Mesfis ge vos onkes de rien? = Je ne vos mesfis ja de rien*).

6. **Презентативных вопросов** такого типа, как в современном языке, нами **не обнаружено**. В известной мере к презентативным вопросам, т. е. вопросам, служащим целям привлечения внимания собеседника, могут быть отнесены предложения с глаголом *veir / voir* следующего типа:

Vez vos celle forest reonde?
Il n'ait si belle en tot le monde.
Les gens qui sont si environ
L'apellent le Boix del Lion. [Florimont: 22, 500–504]

(**Вы видите этот лес?**
Во всем мире нет такого прекрасного.
Люди, живущие поблизости,
Называют его Лионским лесом.)

Вопрос задается не с целью узнать, видит ли лес находящийся рядом собеседник (он, конечно же, видит его, поскольку рыцари подъезжают к нему), а из желания привлечь внимание к тому, что говорящему известно об этом лесе.

7. Ярко выраженных **побудительных вопросов** в нашей выборке, относящейся к старофранцузскому периоду, **не оказалось**. Дополнительное изучение текстов XIV в. дало ряд примеров на этот семантический тип вопроса, все они – с инверсией:

Le duc prist les lettres et les lisy,
et, quant il les ot leües,

il commença a sourire et a dire ainsi
a ses chevalliers qui estoient delés luy:
– Voulés vous oÿr nouvelles
de Aymerigot Marcel?
Il est attrapé par son cousin. [Froissart: 274]

(Граф взял письма и прочел их,
и, когда он их прочел, он заулыбался и сказал
рыцарям, находившимся возле него:
– Хотите послушать новости
об Эмериго Марселе?
Он взят в плен своим кузеном.)

* * *

Quant la dame ot parlé, Butor
ot joie grant;
Et puis si demanda a la dame en rïant:
– Dame, vous plairait il a garder
nostre enfant?...
Et se bien le gardés,
vous avrés du mien tant
Qu'il vous en sera miex en tres
tout vo vivant. [Montaigne: 68, 1968–1973]

(Когда Бутор услышал то, что говорила дама,
он очень обрадовался;
И, засмеявшись, он спросил у нее:
– Сударыня, не могли бы вы присмотреть
за нашим ребенком?...
Если вы за ним будете хорошо присматривать,
вы получите от меня столько,
Что вам хватит на всю жизнь.)

В первом примере, прочтя письма, граф желает сообщить новость своим приближенным. Вопросом *Voulés vous oÿr…?* он предлагает (побуждает их) выслушать эту новость. Во втором – вопрос представляет собой просьбу (*…vous plairoit il …?*), за которой следует обещание вознаграждения (*Et se bien le gardés, vous avrés…*).

Тот факт, что с обратным порядком слов в старофранцузских текстах может строиться общевопросительное предложение почти любого семантического типа, тогда как прямой порядок слов связан с семантическими типами вопроса, содержащими элемент прямой констатации или скрытого утверждения, приводит к выводу о том, что, в отличие от инверсии, п р я м о й п о р я д о к с л о в в старофранцузском общевопросительном предложении семантически маркирован.

Современный французский язык

Основной синтаксической структурой современного французского общевопросительного предложения является, в отличие от старофранцузского, прямой порядок слов. На его долю приходится около 80 % всех общевопросительных предложений. Инверсия встречается значительно реже (~14%). В связи с этим для понимания своеобразия синтаксической характеристики общевопросительных предложений современного периода представляется целесообразным изучить, подобно тому, как это было сделано применительно к старофранцузскому периоду, наименее типичную структуру – предложения с инверсией, соотнеся их с семантическим типом вопроса.

Изучение материала показало следующее.

1. В **вопросах-размышлениях**, когда человек рассуждает мысленно или вслух, взвешивает свои или чьи-либо поступки, когда он колеблется, в 90 % случаев используется инверсия [Шигаревская, 1970: 74–75]:

Etait-ce bon? Etait-ce mauvais? *Maintenant encore j'hésite.* [Colette, Dialogues: 32]

* * *

Où était Joëlle en ce moment? ***Pouvait-elle me voir?*** *Devinait-elle que mon coeur était toujours aussi plein d'elle?* [Nous Deux, № 1244: 7]

2. Инверсия характерна для **риторических вопросов** (около 80 % примеров на этот семантический тип вопроса дают обратный порядок слов). Ср. наблюдения Б. Шлитера [Schlyter, 1957, № 1: 114]:

– Je veux simplement vous rendre le service de vous dire où se trouve un individu recherché pour vol. ***Est-ce si difficile à comprendre?*** [Marceau: 176]

* * *

– Il m'a demandé congé pour une partie de la journée. ***Pouvais-je le lui refuser?*** [Marceau: 91]

В обоих примерах риторический характер вопроса подтверждается возможностью трансформации в предложение противоположного содержания: *Est-ce si difficile…? = Ce n'est pas si difficile, c'est très facile. Pouvais-je...? = Je ne pouvais pas...*

3. Значительное число примеров на обратный порядок слов дал **вопрос-побуждение** (50 % из числа примеров на этот семантический тип):

Voulez-vous rentrer chez vous? *proposa Mathieu.* [Sartre, Age: 364]

* * *

Ne pouvez-vous pas rester à dîner? Mon mari serait heureux de vous reconnaître. [Nous Deux, № 1244: 9]

В этих же типах вопроса встречается и прямой порядок слов.

В вопросе-размышлении:

Mais puisque Raoul tenait. D'ailleurs, à cinq heures du soir. Mardi. ***C'était un mardi?*** *Ou un autre jour?* [Aragon: 168]

В риторическом вопросе:

– Qu'as tu fait de ma grande toile?...
– J'ai des comptes à te rendre? Si tu n'es plus chez toi, je suis chez moi. [Bazin, Madame : 42]

В вопросе-побуждении :

– Tu veux de la tisane?
– Non merci. [Sartre, Sursis: 140]

* * *

– ***On ne pourrait pas causer quelque minutes?*** *Il y a un bistro tranquille à la sortie du cimetière...* [Simenon, Maigret revient: 67]

В лингвистической литературе вопросительные предложения с глаголом *vouloir* рассматриваются как «формула вежливости» [Завгарова, 1974: 285]. Изученный нами материал показал, что использование порядка слов в побудительных вопросах с этим глаголом до известной степени регулируется в современном французском языке фактором внеязыкового плана. Прямой порядок слов в побудительных предложениях встречается чаще всего в разговорах людей, являющихся родственниками, ср.:

– Tu veux me donner mes gouttes? *Cinq, dans un demi-verre d'eau. Il y avait entre eux une familiarité simple, un amour sans effusions.* [Simenon, III: 52]

– отец обращается с просьбой к сыну.

Также прямой порядок слов в побудительных предложениях встречается в случае наличия определенной дистанции между собеседниками, возрастной или социальной:

– Edgar! cria-t-elle enfin à la cantonade.
Un jeune homme vint jeter un coup d'oeil dans le café,
tout en enfilant une blouse blanche sur un pantalon noir.
– Vous voulez servir?... [Simenon, XIV: 135]

– хозяйка кафе обращается к гарсону.

И, напротив, при обращении с просьбой к незнакомому или малознакомому человеку в общевопросительном предложении с глаголом *vouloir* предпочтительна инверсия:

Il avisa une conduite intérieure bleu foncé, interpella son conducteur: – Voulez-vous me mener à Lambrefault? Savez-vous où cela se trouve?
– Oui, dit l'homme, vous tombez bien. [Vialar: 375–376]

На основании этого можно, как нам кажется, сделать вывод о том, что не только сама конструкция с *vouloir* является формантом вежливости, но и внутри конструкции наблюдается известное разграничение: именно инверсия отчетливее всего служит целям вежливого обращения.

4. В **информативных вопросах** соотношение инверсии и прямого порядка слов оказалось следующим: на инверсию приходится лишь 25 %, на прямой порядок слов – 75 %, ср.:

C'est un poème ou une pièce de théâtre? [Merle: 146]

Etait-ce un banc de pierre ou un banc de bois?
[Peyrefitte: 22]

* * *

Vous avez jamais vu ça? [Hériat: 203]

Avez-vous jamais tiré sur des hommes? [Sartre, Mort: 242]

* * *

Dis donc, lui dit-il. ***Tu sais lire?*** [Sartre, Sursis: 251]

Dites-moi: ***savez-vous coudre un peu?*** [Nous Deux, № 1244: 19]

* * *

Cousine, est-ce que ma coiffure est aussi bien ainsi? Elle avait des cheveux épais, d'un brun sans agrément. – Très bien! dit Edmée, indifférente. ***– C'est vrai?*** *Il ne faut pas dire oui pour me faire plaisir.* [Simenon, Maison: 22]

A Chester, les gens disent qu'il se passe des choses bizarres au château. ***Est-ce vrai?*** *– Tu écoute les bavardages des gens?* [Nous Deux, № 1218: 43]

Обнаружить какие-либо оттенки значения, отличающие предложения с прямым и обратным порядком слов, не удается. Можно назвать лишь некоторые разновидности информативных вопросов, в которых используется исключительно прямой порядок слов. Это в основном либо устойчивые модели типа: *C'est tout? Ça va? Tout va bien? Ça va mieux? Ça ne va pas?* и т. п., либо предложения, представляющие фигуру речевого

эллипсиса: *Vous dites? Vous désirez? Vous permettez?* (о предложениях последнего типа речь идет в другой связи в следующем параграфе).

5. В **презумптивных вопросах** на долю обратного порядка слов приходится лишь 5 % примеров нашей выборки, в 95% случаев используется прямой порядок слов:

– *Oh… (Il porte la main à sa tête).*
– Tu as mal?
– *Oui, dans la tête... c'est atroce.* [Cocteau: 139]

* * *

C'est un jeu pour demoiselles de la noblesse, je suppose? [Sartre, Age: 285]

* * *

Tu es content, j'espère? [Anouilh: 43]

Некоторые исследователи утверждают даже, что современное вопросительное предложение с прямым порядком слов всегда заключает в себе предположение, см.: [Duhamel, 1957, № 4: 314].

Примеры общевопросительных предложений презумптивного типа, в которых встретился обратный порядок слов, это предложения с модальными словами *peut-être, sans doute* в начальной позиции: *Peut-être (sans doute) viendra-t-il?*, т. е. грамматизованные случаи использования порядка слов. Об архаичности таких построений см.: [Foulet, 1926, t. 52, № 205–206: 149–150].

6. В **презентативных вопросах** на инверсию встретились единичные примеры:

– *Eh ben moi j'aime pas la guerre, comprends-tu?* [Sartre, Sursis: 193]

Вопросительные предложения типа *comprends-tu?* (*tu comprends?*) могут присоединяться к предшествующей части высказывания посредством как точки, так и запятой. В обоих случаях именно они оформляются вопросительным знаком: при его устранении предложение становится повествовательным (ср.: *Eh ben j'aime pas la guerre*). Это дает основание рассматривать предложения данного типа как общевопросительные, независимо от предшествующего знака препинания.

Основной же структурой в презентативных вопросах является прямой порядок слов:

– *J'ai l'air d'en profiter,* ***tu comprends?*** [Stil: 405]

* * *

– ***Tu vois?*** *j'avais raison.* [Jonesco, Théâtre, I: 39]

7. Полное отсутствие инверсии дал **вопрос-констатация**, т. е. вопрос, воспроизводящий предшествующую реплику или ее часть или констатирующий восприятие того или иного факта действительности [Луев, 1972: 17; Steinberg, t. II, 1972: 7]:

– *...Je suis ouvrier.*
– *Tu es ouvrier! dit-elle en ouvrant les yeux tout grands. Vrai?* ***Tu es ouvrier?*** [Merle : 177]

* * *

La porte s'ouvrit. – Ah, ***c'est vous, Pierre?*** *Entrez.* [Aragon: 341]

Изучение обратного и прямого порядка слов в современном общевопросительном предложении в их соотношении с семантическими типами вопроса показало, таким образом, что употребительность каждого из рассмотренных приемов син-

таксической организации вопросительного предложения находится в определенной зависимости от семантического типа вопроса.

По результатам нашего исследования порядок слов следующим образом характеризует различные типы вопроса (белый фон – прямой порядок слов, серый – инверсия):

Таблица 2 – Порядок слов в различных типах вопроса

Констатирующий	Презентативный		Презумптивный		Информативный	
100 %	98 %	2 %	95 %	5 %	75 %	25 %
– *Je pars.* – *Vous partez?*	*Vous voyez?* *J'avais raison.*		*Tu est content, j'espère?*		*Dis-moi, tu sais lire?*	

Побудительный		Риторический		Вопрос-размышление	
50 %	50 %	20 %	80 %	10 %	90 %
– *Voulez-vous du thé?* – *Non, merci.*		*Est-ce si difficile à comprendre?*		*Fera-t-il un geste? pensai-je, dira-t-il un mot?...*	

Как видим, к современному периоду инверсия оказалась вытесненной прямым порядком слов в том семантическом типе вопроса, который содержит к о н с т а т а ц и ю, т. е. именно на том участке семантического поля вопросительности, с которого и началось в старофранцузский период проникновение прямого порядка слов. К семантическим типам, дающим почти 100 % использования структуры с прямым порядком слов, относятся в современном языке также презентативный и презумптивный вопросы. Первый по существу десемантизирован (вопрос служит целям привлечения внимания), второй ближе всех по значению к констатации, подтекст этого типа вопроса таков: в возникшей у меня догадке я почти уверен, для меня это

почти факт, но все же я считаю нужным получить подтверждение.

На основании этого наблюдения можно, как нам кажется, высказать предположение о том, что проникновение прямого порядка слов в общевопросительное предложение и его закрепление объясняются семантическими причинами, а именно: наличием среди значений, передаваемых формой общевопросительного предложения, значения утверждения. В данном случае создавалось определенное противоречие между инверсией как показателем вопросительной формы предложения и его утвердительным содержанием. В появлении прямого порядка слов могло сказаться стремление языка устранить возникшее противоречие – привести синтаксическую форму в соответствие с содержанием. Распространение же прямого порядка слов на другие семантические типы, возможно, явилось своеобразной синтаксической аттракцией, действию которой до сих пор менее всего поддаются типы вопроса, либо имеющие бесспорно модальное значение (вопрос-размышление: проблематичность, сомнение [ср.: Панфилов, 1971: 180]; побудительный вопрос: волеизъявление), либо связанные с определенной логико-мыслительной операцией (риторический вопрос: отрицание через утверждение и наоборот).

«Чувствительность» обратного порядка слов к определенным семантическим типам вопроса позволяет говорить о том, что, в отличие от старофранцузского языка, где семантически маркированным был прямой порядок слов, в современном общевопросительном предложении семантически маркирована инверсия.

Сопоставление наблюдений над дистрибуцией разных приемов синтаксической организации вопросительных предложений (прямой / обратный порядок слов) на двух хронологически отстоящих друг от друга синхронных срезах позволяет следующим образом сформулировать основное направление развития языка в этой области: от семантической маркированности прямого порядка слов к семантической маркированности инверсии. В настоящем параграфе была предпринята попытка дать этому направлению исторических изменений объяснение с учетом семантических факторов.

1.3. Эллипсис прямого дополнения

В общевопросительном предложении, в связи с отсутствием вопросительного слова, особенно велика роль глагола. Обладая определенной валентностью, глагол во многом определяет присутствие или отсутствие в предложении тех или иных его членов. Во все периоды истории французского языка и в предложениях любого типа, не только вопросительных, прямопереходные глаголы употребляются с прямым дополнением. В то же время возможно и отсутствие последнего. Не являясь особенностью исключительно вопросительных предложений, безобъектное употребление прямопереходных глаголов наиболее характерно именно для общевопросительных предложений. В подобных случаях говорят также о безобъектных конструкциях, ненаблюдаемом (нулевом) дополнении, абсолютном употреблении глагола, абсолютивных (или абсолютизированных) глаголах и т. д., см., соответственно [Кумлева, 1973: 21; Джанелидзе, 1972: 6; Адмони, 1958, № 1: 116; Богодухов, 1975: 24].

По нашим наблюдениям, случаи подобного использования глаголов в составе названных предложений в старофранцузских текстах встречаются почти в 20 раз чаще, чем в повествовательных предложениях, в современных текстах – минимум в 4–5 раз чаще. Для частновопросительных предложений безобъектное употребление прямопереходных глаголов не характерно. Это позволяет, как нам кажется, рассматривать данное явление как одну из синтаксических характеристик общевопросительных предложений и остановиться на ее рассмотрении, тем более, что до сих пор этот вопрос не был предметом изучения.

Сопоставительный анализ языкового материала показывает, что в современном языке, по сравнению со старофранцузским, заметно возросла употребительность общевопросительных предложений с незаполненной комплетивной валентностью. Общевопросительные предложения, характеризующиеся эллипсисом прямого дополнения, не только минимум в два раза чаще встречаются в современных художественных текстах, чем в старофранцузских, но и отличаются кругом глаголов, допускающих такое употребление (в современном языке он значительно шире). Так, только в современных текстах можно встретить примеры типа:

– …Vous saisissez?
– Pas du tout. [Troyat, Carnet : 145]

* * *

– Vous-avez dit?
– Moi? Rien... [Théâtre, 1976, № 586: 8],

или предложения, ставшие своеобразными формулами*:*
Tu crois? Tu trouve? и т. п.

Изменение в употребительности самого способа выражения и расширение числа глаголов, допускающих в общевопросительном предложении эллипсис прямого дополнения, можно объяснить, вероятно, разной жанровой принадлежностью сопоставляемых старофранцузских и современных текстов. Хотя и в тех, и в других эллиптированные предложения встречаются только в диалогах, различен сам характер диалогов. Язык художественных произведений современного периода более близок к повседневной речи, чем язык памятников героического эпоса, куртуазного романа и других жанров, характерных для старофранцузского периода. Количественные изменения в области данного синтаксического явления можно, таким образом, связать с жанрово-стилистическим своеобразием изучаемых текстов.

Нас заинтересовал, однако, другой вопрос: одинаковы ли по своей семантической характеристике, в случае эллипсиса прямого дополнения, общевопросительные предложения, относящиеся к старофранцузскому и современному периоду, то есть произошли ли какие-нибудь качественные изменения в этой области. Рассмотрению языкового материала с этой точки зрения и посвящен настоящий раздел.

В подавляющем большинстве случаев в старофранцузских общевопросительных предложениях, характеризующихся эллипсисом прямого дополнения, подлежащее отсутствует или, вернее сказать, оно присутствует, но присутствует лишь имплицитно (в форме глагола: *Avez oï?*). Следовательно, проблемы порядка слов при изучении эллиптированных предложений не возникает. В связи с этим в настоящем разделе мы не останавливаемся на изучении порядка слов и при рассмотрении материала современного языка.

Соотнесенность эллиптированных предложений с типами вопроса в примерах из старофранцузского языка оказалась ограниченной одним семантическим типом и это тот же тип вопроса, о котором только что шла речь в другой связи, а именно вопрос-констатация. В то же время современный материал обнаружил более широкий диапазон семантических связей эллиптированных предложений.

В старофранцузском языке удалось выявить три наиболее характерных контекста:

1) Повтор предыдущей части высказывания:

– Cist maus m'est fors et mout me griege;
Amors m'a bien pris a la piege
Qui m'a espris par seul vëoir
De celi que ne pui avoir.
– Ne puez? *– Je non!* [Athis, I: 120, 3425–3429]

(Эта боль у меня сильна и очень меня угнетает;
Любовь поистине ввергла меня в западню,
Она меня воспламенила, как только я увидел ту,
Которую не могу иметь.
– Не можете? – Я – нет!)

* * *

– Que la damoisele m'atant,
Qui avuec moi est ça venue.
Conpaigne m'i a tenue
Et je la revuel li tenir,
Que que il m'an doie avenir.
– Volez, biaus sire? [Troyes, Löwenzitter: 230–231, 5732–5737]

(– Пусть девушка меня подождет,
Которая со мной сюда пришла.
Она мне составила компанию
И я хочу ей тоже ее (компанию) составить,
Что бы со мной ни случилось.
– Вы хотите, прекрасный государь?)

В обоих приведенных примерах глагол, оформляемый эллиптированным общевопросительным предложением (*poveir, voleir* – последний в форме *revoleir*), содержится в предыдущей реплике.

2) Констатация того, что собеседник что-то увидел или услышал, а затем – новое сообщение:

R'es vos bataille dure et fiere:
Li mecréans saut en piés,
Mout vergondés et mout iries.
Dist l'uns à l'autre: ***– Avez véu?***
De tel fierte mais hom ne fu... [Partonopeus, II: 162–163]

(И вот вам опять жестокая и гордая битва:
Неверный вскакивает на ноги,
Очень огорченный и очень разгневанный.
Сказал один другому (из видевших битву):
– Вы видели?
Такого гордого человека еще не было…)

* * *

– En non Dieu, rois, ce dist li dus Garins,
La nostre pays a duré moult petit;
Car dans Bernars li sires de Naisil
La terre gaste...
Et dist li rois: ***– Fromons, avez oï?***

Ce est vostre oncles qui nous
tribolle si. [Loherain, II : 46]

(– Во имя бога, король, (это) сказал герцог Гарэн,
Наш мир длился очень мало,
Потому что господин Бернар сеньор Незильский землю разоряет…
И сказал король: **– Фромон, вы слышали?**
Это ваш дядя так нас терзает.)

В обоих примерах вопросом констатируется факт восприятия какого-то события (сообщения) органами чувств. В подобных случаях как бы совмещаются значения констатации и презентации (вопрос задается в какой-то мере с целью привлечь внимание собеседника к последующему сообщению).

3) Констатация незнания собеседником какого-то факта, затем – сообщение об этом факте:

Vint a la dame et se li a conté:
– Dame**, fait il, **par Mahom, ne savés?
Il a fors venu un menestrel;
Un damoisel a o lui amené,
En paienie n'a si bel baceler. [Bordeaux: 309, 7488–7493]

(Он пришел к даме и сказал ей:
– Госпожа, – говорит он,
– **клянусь Магометом, вы не знаете?**
Туда пришел менестрель
И привел с собой молодого человека.
Такого прекрасного юноши нет в земле язычников.)

В старофранцузских эллиптированных предложениях с глаголом *saveir* подлежащее может быть выражено эксплицитно, при этом используется прямой порядок слов.

В современном языке эллипсис прямого дополнения встречается в самых разных семантических типах общевопросительных предложений. Поскольку семантические типы вопроса на материале современного французского языка были подробно освещены выше, приводимые далее современные примеры не комментируются, мы ограничиваемся их систематизацией по семантическим типам. Это могут быть:

– **вопрос-констатация**:

– Tiens! Voilà Jean-Claude avec sa petite amie!
Je me sentis pâlir. Mon amie s'esclaffa.
– Tu ne savais pas? *C'est une vendeuse d'un magasin de chaussures.* [Nous Deux, № 1242 : 12]

– **презентативный вопрос**:

– Il ne colle pas les papiers sur les murs, dit-elle. C'est lui qui choisit les meubles, qui décide de la couleur des tapis et des tentures, qui trouve des idées pour les éclairages. ***Vous voyez?*** [Vailland, Masque : 29]

* * *

– N'oublie pas que mon nom c'est Adélaïde. J'ai du sang de 1830 dans les veines, moi. ***Tu entends?*** *J'ai des ancêtres qui ont vécu en 1830, moi!* [Salacrou, Histoire : 24]

– **риторический вопрос**:

– Ce ne sera peut-être pas cette nuit... Ce sera dans trois, dans cinq, dans dix jours... ***Est-ce que je sais?*** *... J'ai peur, monsieur le commissaire...* [Simenon, Maigret revient : 17]

* * *

– Mais lui, dis-je, sortant tout à coup de mon rêve, qui les a vus? Non pas vous, je suppose?
Il hocha la tête.
*«**Sait-on jamais?** Ici le moindre souffle est une voix, l'ombre la plus banale, une présence».* [Bosco : 106]

– побудительный вопрос:

*Installe-moi à une jolie table, **tu veux, Austin?*** [Triolet : 160]

* * *

*Allons boire un demi, **voulez-vous?*** [Simenon, Maigret revient: 152]

Исследователи современного французского языка отмечают, что конструкция *Voulez-vous?* (*Vous voulez?*) конкурирует в побудительных предложениях с *s'il vous plaît* [Шигаревская, 1977: 20]. Ср. аналогичное явление в современном английском языке: *will you* конкурирует с функцией слова *please*, см.: [Молчанова, 1977, № 2: 22].

– информативный вопрос:

J'allais sans doute m'endormir, Lorsque, là-ba, sous la pinède, j'entends craquer une branche sèche. J'appelai Lili à voix basse.
– Tu as entendu?
– C'est un lapin, dit-il. [Pagnol, Château : 155]

* * *

*– Qu'il vienne me voir un matin. **Il peut?***
– Oui, oui. [Stil : 466]

* * *

– Il ne flotte plus, je le garde, dit Geneviève. S'il veut de moi, je le garde ...
– Et il veut? *– Je le crois!* [Clavel : 211]

Ср. также стереотипные вопросы:

– Monsieur désire? *...*
– Un grand rouge. [San-Antonio : 115]

* * *

– Vous désirez, Monsieur?*... Je voudrais voir vos couronnes ...* [Troyat, Carnet : 101]

* * *

– Elle a filé ...
– Tu dis?
– Elle a dû sauter sur la camionnette au moment où celle-ci demarrait... [Simenon, Maigret se fâche: 137],

где в первом случае вопрос закреплен за определенной ситуацией: он функционирует в сфере обслуживания (о ситуативно-закрепленных предложениях см.: [Пименова, 1979: 65]), во втором же случае – задается с целью уточнения, если собеседник чего-то не расслышал или желает услышать еще раз. Предложения с глаголами *désirer, dire* можно также отнести к типу информативных вопросов.

По употребительности, однако, и в современном языке эллиптированные предложения распределяются неравномерно по разным семантическим типам вопроса (хотя, как отмечалось выше, они возможны, в отличие от старофранцузского, внутри любого из них): в нашей выборке 70% эллиптированных предложений приходится все же на неинформативные типы вопросов.

Материал, систематизированный в настоящем разделе по соотнесенности эллиптированных предложений с семантическими типами вопроса в старофранцузском и современном периодах, обнаружил, таким образом, своеобразную семантическую экспансию рассматриваемого синтаксического явления. В отношении эллипсиса прямого дополнения в общевопросительных предложениях в ходе истории французского языка произошли, следовательно, не только количественные, но и качественные изменения. Каким же образом можно их интерпретировать и о каком своеобразии характеристики общевопросительного предложения в каждый из сопоставляемых периодов они свидетельствуют?

Ограниченность эллипсиса одним семантическим типом вопроса в старофранцузский период показывает прежде всего, что эллипсис прямого дополнения в старофранцузском общевопросительном предложении можно отнести, также, как это ранее было сделано применительно к другому синтаксическому явлению (прямому порядку слов), к семантически маркированным синтаксическим приемам организации общевопросительного предложения. В современном французском языке семантическая маркированность эллипсиса прямого дополнения в общевопросительном предложении сохраняется, однако лишь в том отношении, что данное синтаксическое явление наиболее характерно для неинформативных типов вопроса (но не только вопроса-констатации, как это наблюдалось в старофранцузском).

Использование эллипсиса прямого дополнения в старофранцузский период в предложениях, представляющих вопрос-констатацию, можно связать, как нам кажется, с семантическим своеобразием самого этого типа вопроса. Семантика

вопроса-констатации такова, что без опоры на контекст (воспроизведение предыдущей реплики) или непосредственно предшествующую ситуацию (восприятие какого-то факта органами чувств) он теряет смысл. По самой своей семантической природе это контекстуально (ситуативно) обусловленный вопрос. Вероятно, именно в силу этого здесь и создавались наиболее благоприятные условия для опущения прямого дополнения: в тех случаях, когда вопрос повторяет предшествующую реплику, прямое дополнение уже выражено в этой последней; когда речь идет об увиденном или только что услышанном факте, человек, задающий вопрос, не нуждается в его воспроизведении словами (*Avez veu?* – имеется в виду: видели ли вы то, что только что произошло и чему мы с вами явились свидетелями). Таким образом, проникновение эллипсиса прямого дополнения в общевопросительные предложения, представляющие именно этот семантический тип вопроса, могло быть связано с действием семантических факторов (но иного рода, чем мы наблюдали это при рассмотрении порядка слов выше).

Отсутствие эллиптированных структур среди других семантических типов вопроса в старофранцузский период свидетельствует, вероятно, о том, что одним из условий реализации общевопросительного предложения в речи явилась его синтаксическая автономия: в нем должны были найти эксплицитное выражение все задаваемые валентностью глагола-сказуемого члены предложения. Возможность отсутствия эксплицитно выраженного подлежащего не может приниматься во внимание, так как подлежащее и в тех случаях, когда оно не выражено отдельным словом, присутствует имплицитно в показателе лица и числа глагола, входящего в состав самого

общевопросительного предложения. Распространение эллипсиса прямого дополнения на предложения других семантических типов показывает, что в период от старофранцузского к современному языку произошло некоторое ослабление обязательности данного аспекта характеристики общевопросительного предложения (его синтаксической автономии). Вместе с тем усилились сверхфразовые синтаксические связи изучаемых предложений.

Выводы по разделу 1

1. В обоих случаях, изученных в связи с семантико-синтаксической характеристикой старофранцузского и современного французского общевопросительного предложения (порядок слов, эллипсис прямого дополнения), исторические изменения затронули вначале в основном один семантический тип вопроса и лишь затем, вероятнее всего уже за пределами старофранцузского периода, ими оказались охвачены также предложения, представляющие другие семантические типы вопроса. Это свидетельствует о неравномерности темпов исторических изменений в изучаемой области французского синтаксиса. Причиной является семантическая неоднородность самих общевопросительных предложений и разной степени их спаянности с окружающим контекстом (их обусловленности ситуацией).

2. Оба синтаксических явления (распространение прямого порядка слов в вопросительном предложении и семантическая экспансия эллипсиса прямого дополнения) начались с одного и того же семантического типа вопроса (вопроса-констатации). Процесс окончательного утверждения прямого порядка слов в современном языке по существу завершился в предложениях, представляющих тот же семантический тип

вопроса. Следовательно, именно вопрос-констатация представляет в семантическом поле вопросительности наиболее п р о н и ц а е м у ю для синтаксических инноваций зону. И это, вероятно, не случайно. Вопрос-констатация находится на периферии поля вопросительности. В нем, как ни в одном другом типе вопроса, особенно очевидно, с одной стороны, несоответствие вопросительной формы и констатирующего содержания и, с другой стороны, наиболее отчетлива потребность в опоре на контекст или ситуацию.

3. В каждом из изучаемых периодов истории французского языка удалось обнаружить семантическую маркированность некоторых синтаксических структур. Исследование показало, что понятие семантической маркированности является исторически изменчивым понятием: в старофранцузском языке оно применимо к прямому порядку слов / в современном французском языке – к инверсии; эллипсис прямого дополнения в старофранцузский период характеризуется соотнесенностью с одним из неинформативных типов вопроса, в современном языке – с разными типами неинформативных вопросов, отчасти также – с информативным. Все это свидетельствует о том, что исторические изменения в области тех или иных аспектов характеристики общевопросительного предложения от старофранцузского к современному языку происходили в результате сложного внутреннего в з а и м о д е й с т в и я семантики и синтаксиса.

Раздел 2. АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

2.1. Критерии определения темы и ремы вопроса

В романистике, как и в языкознании вообще, в последние годы особенно интенсивно разрабатывается теория актуального членения предложения. Выделяются две части предложения, противостоящие друг другу по их отношению к целям коммуникации. Одна часть – тема предложения, или исходный пункт сообщения, вторая – рема предложения, т. е. часть, содержащая «то, что говорящий желает сообщить слушающему относительно (или отправляясь от) темы» [Ахманова, 1966: 384]. Рему называют также коммуникативным центром предложения или его «семантической вершиной», см.: [Падучева, 1969, вып. 12: 17]. Применительно к вопросительным, в том числе общевопросительным предложениям, это членение может быть представлено следующим образом:

тема	рема
то, *о чем (или о ком)* я хочу спросить, то, *по поводу чего (кого)* я хочу получить подтверждение относительно чего-то, или то, *к чему (к кому)* я хочу выразить свое отношение.	то, *что именно* я хочу узнать о теме вопроса о чем-то (о ком-то), *какое подтверждение* о теме я хочу получить, *какое отношение* к теме я хочу выразить.

Иногда понятия темы и ремы отождествляют с понятиями данного и нового (см. в частности: [Крушельницкая, 1969: 97]. Это, как доказано рядом исследований последних лет [Halliday, 1967, v. 3, № 2: 205; Фирбас, 1972, № 2: 58–59; Ковтунова,

1976: 42 и др.], не всегда соответствует действительности, в частности потому, что рема отнюдь не всегда представляет новое для говорящего понятие: знакомое, «данное» понятие может составить то, что именно говорящий хочет узнать, задавая вопрос. Например (здесь и в дальнейшем сплошной чертой подчеркивается рема вопроса, волнистой – его тема):

– *Son mari m'a dit qu'elle était partie.*
– *Tu as parlé à son mari?*

В этом вопросительном предложении говорящий хочет получить подтверждение тому, что его собеседник разговаривал именно с мужем их общей знакомой. А *son mari* – рема вопроса, хотя само по себе *son mari* – известное собеседнику лицо («данное»). Темой является факт состоявшейся беседы. Аналогично – в следующем примере:

Lorsqu'elle fut partie, Baptiste dit:
– Tu as vu cette petite? Eh bien, il n'y a pas de meilleure!
[Philippe: 28]

Из ситуации совершенно очевидно, что для говорящего данным является не только девушка, но и факт ее зрительного восприятия со стороны собеседника. Вместе с тем оба «данных» в вопросе занимают разные коммуникативные позиции: глагол – рема вопроса, прямое дополнение – его тема.

Несовпадение понятий тема / рема и данное / новое заставляет выбрать лишь одну пару терминов. Более четкими и однозначными представляются термины «тема» и «рема», на которых мы и остановились.

Для того, чтобы выяснить, каково своеобразие каждого из сопоставляемых периодов в отношении последовательности темы и ремы вопроса и способов их выделения, необходимо

предварительно выработать формальные критерии, позволяющие определить в каждом конкретном случае, что является темой вопроса и что составляет его рему.

В какой-то мере критерием может служить ответ, ср.:

– *Tu habites ici?*
– *Au bidonville de la rue Garenne.* [Merle: 98–99]

* * *

– *Et ça? demanda Philippe.*
– *Ça, c'est le portrait d'un enfant mort. Au Mexique, quand un type cassait sa pipe, on faisait venir le peintre des morts...*
– *Vous avez été au Mexique? demanda Philippe avec une nuance de considération.*
– *J'y suis resté deux ans.* [Sartre, Mort: 180]

В обоих случаях ответ содержит уточнение к реме вопроса (*ici – au bidonville…; …avez été – j'y suis resté deux ans*).

Однако ответ не всегда можно считать достаточно надежным критерием выявления темы и ремы. Так, например, в следующем ниже диалогическом единстве:

– *Tout repose sur lui, et j'ai confiance.*
– *Il a son poignard?*
– *Il a son poignard. Je suis persuadé qu'il pourrait s'en servir.* [Boule: 178]

ответ таков, что по нему трудно определить с достаточной четкостью, что именно является ремой вопроса (глагол *avoir* или существительное *son poignard*). Это заставляет искать более бесспорные, более формализованные критерии актуального членения общевопросительных предложений.

Предварительное изучение языкового материала и имеющихся по данному вопросу исследований позволило выбрать

в качестве критериев определения темы и ремы вопроса возможность использования применительно к тому или иному компоненту предложения одного из формальных средств логического выделения. В качестве таких критериев при анализе языкового материала были избраны, с одной стороны, выделительные конструкции (*c'est… qui…, c'est… que…*) и, с другой стороны, возможность использования приема сегментации.

В лингвистической литературе неоднократно указывалось на то, что конструкции *c'est… qui* (*c'est… que*) служат целям выделения ремы предложения, см. например: [Васильева, 1968: 130]. Это полностью применимо и к общевопросительному предложению, ср.:

C'est hier que tu es arrivé?
C'est mon ami qui te l'a dit?
C'est ici que tu habites?
C'est ce livre que tu veux me proposer? и т. п.

Во всех подобных случаях член предложения, сопровождаемый выделительной конструкцией, рематичен и особо выделен.

Поскольку использованием названных конструкций достигается выделение ремы вопроса, возможность оформления того или иного компонента выделительной конструкцией без изменения смысла предложения может служить, как нам кажется, достаточно надежным критерием определения рематичности данного члена предложения. И, напротив, выделение при помощи этих конструкций, сопровождающееся изменением смысла, может рассматриваться как свидетельство тематичности соответствующего члена предложения. Поясним это на примерах из современного языка.

В вопросе *“Vous connaissez Fernand?”*, входящем в следующий фрагмент текста:

– *Oh, ne m’appelez pas madame, moi c’est Anick, et vous?*
– *Simone, sans madame, je ne suis pas mariée. Vous connaissez Fernand?*
– *Fernand?... Il n’est pas dans mon affaire,...?*
– *Ben, c’est mon ami.* [Sarrazin: 28]

можно предположить, что существительное – имя собственное *Fernand*, новое для собеседницы, является ремой вопроса. Однако вынесение этого слова в начало предложения при помощи презентативной конструкции полностью изменило бы смысл предложения: *C’est Fernand que vous connaissez?* Совершенно очевидно, что такой вопрос несовместим с данной речевой ситуацией. Следовательно, в рассматриваемом предложении ремой вопроса должен быть признан глагол (вопрос задается с целью выяснения осведомленности собеседницы о человеке по имени Фернан: имя собственное, хотя оно ранее и не упоминалось, является темой вопроса.

Ср. возможность названного выше преобразования в вопросах:

Vous voulez un autre numéro? → *C’est un autre numéro que vous voulez?* [Sartre, Age: 318]

Il a battu son futur beau-père? → *C’est son futur beau-père qu’il a battu?* [Salacrou, Histoire: 313–314]

Alors, tu y vas vraiment? → *C’est vraiment que tu y va?* [Druon, Chute: 3]

и его невозможность, без изменения смысла предложения, в вопросе, входящем в следующее диалогическое единство:

– *Sans Nany, vous vous sentez seule?*
– *Très seule.*
– *Vous avez bien des amis?*
Elle secoua la tête. [Courcel: 131]

Преобразование: *C'est des amis que vous avez bien?* невозможно. Предложение звучит не по-французски.

В случае:

– *Quoi? Vous connaissez pas son truc?*
– *Mon truc? J'ai un truc à présent?*
– *Un peu.* [Hériat: 91]

– преобразование: *c'est son truc que vous connaissez?* вполне возможно, но оно полностью меняет смысл предложения (в первом случае мы имеем дело с запросом об осведомленности, во втором – факт осведомленности для задающего вопрос очевиден, его интересует сам объект знания).

В вопросе, входящем в следующий фрагмент текста:

– *Bon, je… je m'arrangerai. Merci, Sarah, vous êtes une perle. Vous serez chez vous ce soir avant dîner?*
– *Toute la journée.*
– *Bon. Je passerai.* [Sartre, Age: 89–90]

– каждое из возможных преобразований: *C'est chez vous que vous serez ce soir?* (подчеркнуто: у себя, а, например, не у своих друзей); *C'est ce soir que vous serez chez vous?* (подчеркнуто: именно сегодня вечром, а не завтра, не послезавтра); *C'est avant diner que vous serez chez vous ce soir?* (подчеркнуто: перед ужином, а не после ужина) существенно изменяет смысл вопроса, следовательно, его ремой может быть признан только глагол (т. е. это запрос о факте нахождения в каком-то месте в какое-то время).

Широко распространенным приемом выделения темы вопроса в современном языке является прием сегментации (см., например: [Реферовская, 1979: 88–100]), состоящий в вынесении тематической части в начало или в конец предложения с ее воспроизведением в виде неударной формы личного или указательного местоимения, сопровождающего глагол:

– *Ce secret, vous étiez les seuls à le savoir?*
– *Non.* [Pagnol, César: 94]

– *Et toi, ça te fait de la peine?*
– *Oh! de la peine...* [Pagnol, César: 226]

– *Il n'est pas là, votre mari?*
– *Il a une réunion à Boston.* [Arnothy: 105]

В подобных случаях сегментируется тематическая часть предложения.

Итак, та часть предложения, которая без ущерба для смысла высказывания в целом может быть вынесена в сегмент, рассматривалась как тема вопроса, та его часть, которую, опять-таки без ущерба для смысла, можно выделить при помощи конструкции *c'est... qui (que)...*, считалась его ремой. Например, в общевопросительном предложении, входящем в состав следующего фрагмента текста:

– *Ah! je sais où elle est: chez Mathilde, je la lui ai pretée pour son piquenique.*
– *Tu as preté ma musette à Mathilde?* [Sartre: 123]

имя собственное выступает как рема вопроса: преобразование *C'est à Mathilde que tu as preté ma musette?* не изменило бы смысла высказывания, тогда как сегментация *A Mathilde, tu lui as preté ma musette?* внесла бы определенные изменения и вопрос оказался бы несовместимым с приведенным контекстом.

Определение темы и ремы вопроса производилось, таким образом, на основе изучения широкого контекста и возможностей использования в нем одного из названных выше формальных средств актуального членения предложения. О роли контекста в актуальном членении предложения см.: [Богданов, 1977: 135].

2.2. Типы актуального членения

Изучение старофранцузского и современного материала позволило выделить четыре основных типа актуального членения общевопросительного предложения.

1. «Рема – тема»

Подавляющее большинство старофранцузских общевопросительных предложений начинается с глагола, см., например [Voretzsch, 1951: 311]. В нашей выборке на их долю приходится 2690 из 3000, или 89%. Это позволяет считать данную синтаксическую модель общевопросительного предложения наиболее типичной для старофранцузского периода.

В подавляющем большинстве случаев глагол, начинающий старофранцузское общевопросительное предложение, является ремой вопроса. Исследователи французского языка проводят параллель между частновопросительными и общевопросительными предложениями: подобно тому как частновопросительное предложение начинается с вопросительного слова, общевопросительное предложение строится таким образом, что в его начало также выносится наиболее значимое слово для вопроса – слово-глагол, см.: [Herman, 1954, t. 4, fasc. 1–2: 73]. Рассмотрим несколько примеров:

– *Fustes vos onques en le lande?*
– *Naie, dit il, ainc n'i entrai.* [Rigomer: 372, 12586–12587]

(– Были ли вы когда-либо в степи?
– Нет, – говорит он, – никогда туда я не пойду.)

* * *

– Amis, menjas tu hui?
nel me celer tu ja,
– Naie, sire. [Bourgogne: 67]

(– Друг, ты ел сегодня?
Не скрывай от меня.
– Нет, сударь.)

* * *

Et il li dist, qu'il estoient a l'empereor de Rome.
– Conoisiez vos, dist ele, son senechal?
– Dame, dist cil, oil, bien. [Marques: 917]

(И он ей сказал, что они были у императора Рима.
– Знаете ли вы, – спросила она, – его сенешала?
– Госпожа, – сказал тот, – да, конечно.)

Во всех случаях человека, задающего вопрос, действительно интересует, имеет (имело) ли место действие, обозначенное глаголом (бывал ли собеседник в степи, поел ли он, знаком ли он с сенешалем). Это подтверждается и возможностью использования формальных критериев актуального членения: *En le lande, y fustes vos onques?* (но не *Est-ce en le lande que vos fustes?*). Обстоятельство (прямое дополнение и т. п.) – это тема вопроса, глагол же – его рема.

Для современного французского языка, в отличие от старофранцузского, постановка глагола в личной форме в начало предложения не характерна: на общевопросительные предложения, начинающиеся с глагола, в нашей выборке приходится

всего 14%. Однако и здесь предложения, начинающиеся с глагола, могут представлять тот же тип актуального членения «рема–тема», ср.:

– *Vois-tu quelqu'un?*
– *Il est trop petit. Les volets sont fermés.* [Jonesco, Théâtre, I: 214]

– человека, задающего вопрос, интересует факт видения, глагол – рема вопроса. То же – в примере:

Il sortit de sa poche la photo de Francisco et la lui passa en disant: – Connais-tu cet homme?
– Oui. C'est Francisco Belchite. [Courcel: 203]

2. «Тема – рема»

В данном случае в оба периода обнаружены две возможности:

а) Глагол-сказуемое в начале предложения.

Ср. в старофранцузском:

Venistes vous pour truander?
– Nanil, ainz, woeil veir vostre estre. [Renart: 138, 247–249]

(Вы пришли, чтобы просить милостыню?
– Нет, я хочу видеть, как вы живете.)

* * *

Je nes vi puis, si con moi sanble.
Dites moi, vuont il autre voie? [Hunbaut: 79, 2686–2687]

(Мне кажется, что я их больше не видел.
Скажите мне, они идут другой дорогой?)

* * *

– Amis, diz tu voire parele?
Garde ne nos falorder ci. [Trubert: 53, 1856–1857]

(– Друг, ты говоришь верные слова?
Не вздумай нас обмануть.)

Ремой является слово или группа слов, заканчивающие предложение, а не начинающий его глагол. Это нетрудно определить путем формального преобразования: *Est-ce pour truander que vous venistes?* и т. п.

В современном языке:

– *Vous me plaisez...*
– *Tu mens! avait-il dit à regret.*
– *Tiens! Deviendrez-vous psychologue?...*
– *Donc, je ne te plais pas!* [Arnothy: 54]

Коммуникативный центр приведенных в примерах общевопросительных предложений – слово, стоящее после глагола.

В современном языке предложения, представляющие тип актуального членения «тема – рема» и начинающиеся с глагола, буквально единичны, в старофранцузском они также встречаются значительно реже, чем тип (1), соотношение 5:1.

б) В начале предложения – подлежащее.

Подавляющее большинство вопросов констатируемого характера, строящихся в старофранцузский период с прямым порядком слов, дает именно этот тип актуального членения предложения («тема – рема»). Ср.:

Et puis se viest et si s'atourne
Et ses Escuiers l'araisonne:
– *Sire, vous en volés aler?*
– *Ore, fait-il, sans demourer.* [Fabliaux, II: 91]

(Затем он одевается и снаряжается,
Его оруженосец обращается к нему:

– Государь, вы хотите идти?
– Сейчас же, – говорит он, – без промедления.)

* * *

– *Ce verroiz-vos, fet-il, partans.*
– *Jel verrai?*
– *Voire.* [Troyes, Charrette: 60, 496–497]

(– Это вы увидите, – говорит он, уходя.
– Я это увижу?
– Конечно.)

Подлежащее является темой вопроса, сказуемое – его ремой. Подлежащее служит исходным пунктом сообщения и связывает данное предложение с предыдущим контекстом. О связующей роли подлежащего в старофранцузском повествовательном предложении см.: [Herman, 1954, t. 4, fasc. 1–2: 94; Васильева, 1967, т. 295 а: 103].

В старофранцузском языке такие случаи сравнительно редки, поскольку предложения с прямым порядком слов представляют нетипичную для этого периода структуру.

В современном языке, особенно в связи с распространением прямого порядка слов, данный случай реализации актуального членения «тема – рема» стал наиболее типичным, ср.:

– *Il fait des décors de théâtre?*
– *Non. Il décore des appartements.* [Vailland, Coups: 28]

* * *

– *Bonjour Madame. Le professeur est à la maison?...*
– *Il vous attend.* [Jonesco, Théâtre, I: 59]

В подавляющем большинстве случаев подлежащее, начинающее собой предложение, а нередко, как в первом примере, одновременно подлежащее (местоимение) и сказуемое (глагол) представляют тему вопроса.

Рассмотренные типы актуального членения общевопросительного предложения, присущие обоим сопоставляемым периодам в истории французского языка, можно квалифицировать как коммуникативно нейтральные, поскольку в них не наблюдается особого выделения какого-либо из компонентов актуального членения (ремы или темы).

Помимо этого, как в старофранцузском, так и в современном языке, можно выделить еще два типа актуального членения общевопросительного предложения, но это типы коммуникативно маркированные: в них выделяется либо рема, либо тема вопроса.

3. «Выделенная рема – тема»

В старофранцузском общевопросительном предложении выделение ремы достигалось прежде всего ее вынесением в необычную позицию – в начало предложения. Выделенной таким образом ремой могли быть:

а) обстоятельство:

– *Or le nus faites donches veer.*
– *Ço que ai dit est prophecie.*
– *En livre est escrit? – Oil, de vie.*
– *Ne l'sonjai pas, ainz l'ai véu.* [Adam: 65]

(– Теперь покажите же нам это.
– То, что я сказал, – это пророчество.
– Это написано в книге? – Да, (в книге) жизни.
– Я это не выдумал, а я это видел.)

* * *

– Coment? fet ele, quant venra
Mes sire Yveins? – Ceanz est ja.
– Ceanz est-il? Venez donc tost. [Troyes, Chevalier: 77, 1897–1899]

(– Как, – говорит она, – когда придет
Мой господин Ивэн? – Он уже здесь.
– Он здесь? Идите же быстрее.)

В старофранцузском повествовательном предложении начальная позиция считалась необычной для дополнения и обстоятельства, в отличие от подлежащего, что позволило говорить об особом выделении, см.: [Haarhoff, 1936: 46; Herman, 1954, t. 4, fasc. 1–2: 91; Васильева, 1967, т. 295 а: 108].

б) именная часть сказуемого:

– J'ai Lanselos del Lac a non...
– Lanselos del Lac estes vous? [Rigomer: 464, 15720, 15730]

(– Мое имя Лансело дель Лак.
– Вы Лансело дель Лак?)

* * *

Seul me laires en autre terre?
Or ne sai compaignon u querre. [Schlussepisode: 54, 1017–1018]

(Вы оставите меня в чужой земле одного?
Я не знаю, где найти мне спутника (товарища).)

* * *

– Mais je cuic que tu soies ivres.
Dist Lanselos: – Yvres sui gié? [Rigomer: 108, 3718–3719]

(– Но я думаю, что ты пьян.
Сказал Лансело: – Я пьян?)

В повествовательном предложении старофранцузского периода в конструкции именного сказуемого, если последнее начинает предложение, именная часть находится предпочтительно перед глаголом-связкой, см.: [Васильева, 1962, т. 113, вып. 9: 86]. В вопросительном же предложении, по нашим наблюдениям, такое построение (именная часть сказуемого перед глаголом-связкой) встречается сравнительно редко, и данная синтаксическая структура используется именно в целях коммуникативного выделения именной части сказуемого.

в) смысловая часть глагольного сказуемого, выраженная причастием или инфинитивом:

– *Donc vos a il, dist cil, guerpi?*
– *Hou! guerpi m'a il? – Il, veire.* [Yderroman: 170, 5952–5953]

(– Так значит он вас покинул? – сказал тот.
– О! он меня покинул? – Да, конечно.)

* * *

– *Vols tu destruire ta maison*
Pur la parole d'un bricun?...
Tolir nus uels la guarisun? [Adgar's: 190–191, 173–174, 177]

(– Ты хочешь разрушить свой дом
По подсказке (досл.: из-за слова) труса?...
Отнять ты хочешь у нас убежище?)

Во всех приведенных случаях слово, начинающее собой предложение, является его ремой, но одновременно оно акцентировано тем, что поставлено не на привычное для него место в предложении.

Другим способом выделения ремы вопроса в старофранцузский период служили выделительные конструкции:

– Sainte Marie, li uns dist,
Est ce enfes qui laiens gist?
– Oil, dist li autres, par foi,
Enfes est ce si com(e) ie croi. [Octavian, III: 17, 675–678]

(– Святая Мария, сказал один,
Здесь лежит ребенок?
– Да, – сказал другой, – клянусь,
Это ребенок.)

* * *

Ele oit le palefroi hennir...
– Oez, fait-el à ses notons:
Est-ce cheval que nos oons?...
– Ge l'ai, fait-il, pieçà oï
Et sai qu'il est mout loing de ci. [Partonopeus, II: 28, 5823–5830]

(Она слышит ржание лошади…
– Слышите, – говорит она своим спутникам:
– Это мы лошадь слышим?...
– Да, говорит один из них, я ее и раньше слышал
И я знаю, что она очень далеко отсюда.)

Как видим, в старофранцузский период используются два приема организации общевопросительного предложения по типу актуального членения «выделенная рема – тема» – вынесение ремы в препозицию к теме путем простой перестановки членов предложения или при помощи выделительных конструкций. Однако в рассматриваемый период эти два способа организации предложения одного и того же типа актуального членения находились в отношениях дополнительной дистрибуции по их соотнесенности с синтаксической функцией

ремы: простая перестановка компонентов актуального членения использовалась применительно к одним членам предложения (обстоятельство, смысловая часть именного сказуемого или глагольного, но выраженного глаголом в одной из сложных форм или образующего составное сказуемое), выделительные конструкции – применительно к другим членам предложения (подлежащее, прямое дополнение). Изучая повествовательное предложение ранних периодов истории французского языка, А. К. Васильева обнаруживает выделительные конструкции в текстах XIV века, причем тоже только в случае выделения подлежащего и прямого дополнения. Это приводит ее к выводу о том, что данные конструкции представляют собой сравнительно позднее образование, см.: [Васильева, 1967, т. 295 а: 72]. Как видим, в общевопросительных предложениях выделительные конструкции встречаются уже в XII–XIII вв., но и в этот период – с существительным в тех же синтаксических функциях, что представляется нам показательным.

В современном французском языке рема может быть выделена только посредством конструкций *c'est… qui…; c'est… que…*. Первая, как известно, с подлежащим, вторая – с любым второстепенным членом предложения. Большинство исследователей рассматривают этот оборот как сложноподчиненное предложение, см. в частности: [Tobler, Bd. II, 1894: 13–14; Sandfeld, v. II, 1935: 119]. В то же время другие исследователи относят данную конструкцию к простому предложению, см., например: [Bruneau, 1937: 350; Гурычева, 1956, № 6: 20]. На существование этих мнений указывает Р. Г. Гуськова, см.: [Гуськова, 1970, № 364: 38–40]. Наличие двух противоположных мнений следует, по-видимому, соотнести с хронологией. Первое мнение оправдано для старофранцузского периода, т. е. для момента возникновения выделительной конструкции, второе –

для современного, в котором конструкция является уже грамматизованным средством. Ср.:

C'est toi qui pars?
C'est à toi qui a donné des explications?
C'est de moi que vous parlez?
C'est à Paris que vous partez?
C'est hier que vous l'avez vu? и т. п.

4. «Выделенная тема – (выделенная) рема»

При рассмотрении предыдущего (3) типа актуального членения общевопросительного предложения отмечалось, что для выделения ремы вопроса в старофранцузском языке мог использоваться прием простой перестановки членов предложения (компонентов его актуального членения), но что данный прием не распространялся на такие синтаксические функции, как подлежащее и прямое дополнение. В случае выделения темы вопроса, как оказалось, наблюдается прямо противоположное положение вещей: способ простой перестановки компонентов актуального членения служит целям выделения темы прежде всего применительно именно к этим двум синтаксическим функциям.

а) подлежащее

Прием постановки подлежащего на первое место в старофранцузском общевопросительном предложении мог, как это было показано ранее, служить целям передачи первого типа (1) актуального членения предложения (одного из коммуникативно нейтральных), а именно: «тема – рема». Вместе с тем, тот же прием использовался в старофранцузском языке и при реализации рассматриваемого (4), коммуникативно маркированного типа актуального членения. Среди старофранцузских общевопросительных предложений с прямым порядком слов

встречаются, хотя и в единичных случаях, предложения, в которых ощущается особое выделение темы. Например:

Deus! ja ne mantiroit mie,
S'il me clamoit sa douce amie!
Et je mantiroie de lui?
Bien devriiens voir dire andui.
Meis se je mant, suens iert li torz. [Troyes, Cligés: 56, 1405–1409]

(Боже! Он никогда не солгал бы,
Если бы назвал меня своей нежной подругой!
А я разве солгала бы ему?
Мы должны бы были оба говорить правду.
Но, если я солгу, это будет его вина.)

Тема *"je"* противопоставлена теме *"il"* предыдущего предложения (он… / А я…), что и создает эффект особой важности темы общевопросительного предложения. Ее постановкой в начало предложения как бы подкрепляется ее смысловое выделение. Ср. в старофранцузском повествовательном предложении: «наличие личных субъектных местоимений после союза *et* объясняется потребностью более четкого разграничения различных субъектов действия (иногда противопоставление их)», см.: [Евпатова, 1976: 155].

В примере:

De cest ost tout li .XX. millor
Ne l'osent atendre ens l'estor:
Vous le quidiés tous seus ocire?
Or en aves le mort, dous sire. [Thebes, II: 273, 8203–8306]

(Из этого войска все 20 лучших воинов
Не осмеливаются его ждать в битве.
А вы один хотите его убить?

Вы будете иметь от него смерть, славный государь.)

тема вопроса *“vous”* противопоставлена теме предыдущего сообщения: *tout li XX millor* (20 лучших рыцарей… / А вы…). Следовательно, и здесь вынесение подлежащего в начало предложения может рассматриваться как своеобразный прием выделения темы вопроса.

Сделанное наблюдение приводит к двум выводам: 1) в возникновении прямого порядка слов в старофранцузском языке могли сыграть роль не только семантические факторы (вопрос, содержащий утверждение), но и факторы актуального членения предложения (выделение подлежащего – темы вопроса); 2) один и тот же прием (перестановка членов предложения) употреблялся в старофранцузский период применительно к одной и той же синтаксической функции в предложениях двух разных типов актуального членения: коммуникативно нейтральном (2) и коммуникативно маркированном (4), что свидетельствует о двойственности использования языкового знака (ср.: Карцевский С. в кн.: [Звегинцев, ч. II, 1965: 85–90], каковым в данном случае условно можно назвать прием вынесения подлежащего в препозицию к глаголу.

б) прямое дополнение

– … tel dol ad el pais
De noise, de cri, de plurer,
Unkes n’oi de tel parler!
– E Leonin veistes vus?
– Oal, cum le plus orgeillus,
K’al jur d’ui seit el mund vivant. [Rotelandes: 158, 9360–9365]

(… в стране такая печаль
От шума, крика и слез,

Что я никогда не слышал ничего подобного.
– А Леонэна вы видели?
– Да, он в наши дни самый храбрый.)

Один из собеседников рассказывает о большом горе жителей страны, которую он посетил. Другой участник диалога переводит разговор на интересующее его лицо – Леонэна, о котором он хочет узнать новости. Ставя тему перед ремой, говорящий тем самым привлекает к ней внимание, выделяя ее.

– Amis, ce dist Guidon, lesse m'à toi parler:
De dame Aye ma mere te voudrai demander.
Est ele bien heitie? Garde ne me cheler,
Le duc Garnier mon pere oïs lei regreter?
– Oïl. [Nanteuil: 57]

(– Друг, – сказал Гвидон, – позволь мне с тобой поговорить:
О госпоже Аи, моей матери, я хочу у тебя спросить.
Здорова ли она? Не вздумай скрывать от меня,
О герцоге Гарнье, моем отце, сожалеет ли она?
– Да…)

В беседе с другом Гвидон спрашивает о здоровье матери, которую он давно не видел. Далее он задает вопрос, сожалеет ли она о своем муже, его отце. Ставя прямое дополнение в начало предложения, говорящий выделяет тему вопроса. Ср. в среднефранцузском языке, где такое употребление было еще возможно, см.: [Городняя, 1974: 276].

Ударная форма личного объектного местоимения, вынесенная в начальную позицию, также свидетельствует о выделении темы вопроса:

Ce qu'Amors viaut doi je amer,
Et moi doit ele ami clamer?
Oil voir, por ce que je l'aime. [Troyes, Löwenritter: 58, 1453–1455]

(То, что хочет любовь, должен любить и я.
А меня должна ли она назвать возлюбленным?
Да, конечно, потому что я ее люблю.)

Неударная форма местоимения в начале старофранцузского общевопросительного предложения – явление обычное, в этом случае выделения темы не наблюдается: *M'avés vous ravisé?* [Bordeaux: 339, 8614]. Не происходит выделения темы и тогда, когда прямое дополнение-местоимение следует за глаголом: *Dist l'empereres ous dous: – Preudom, reconnissiés me vous?* [Palerne: 272, 9393–9394]. О месте прямого дополнения в старофранцузском вопросительном предложении см.: [Etienne, 1895: 324; Schulze, 1884, Bd. 71, Heft 2: 332–335 и др.]. Что касается повествовательного предложения старофранцузского периода, то, если оно начинается с объектного местоимения, последнее обязательно используется в ударной форме, см.: [Васильева, 1962, т. 113, вып. 9: 80]. Э. Бурсье отмечает, что различие между постановкой ударных и безударных местоименных форм началось уже в латыни, см. [Бурсье, 1952: 97].

Тот факт, что в старофранцузском языке постановка подлежащего и прямого дополнения на первое место в предложении служило целям выделения темы вопроса, позволяет, как нам кажется, высказать предположение о причинах, вызвавших появление выделительных конструкций *est-ce… qui (que)* и их исключительное использование для выделения ремы вопроса – подлежащего и прямого дополнения. Поскольку прием простой перестановки членов предложения для двух назван-

ных синтаксических функций использовался в качестве способа выделения темы вопроса, для выделения синтаксически однотипной ремы нужны были другие средства актуальной организации предложения. Выделительные конструкции и появились, вероятно, именно в силу возникшей потребности.

Помимо синтаксических функций подлежащего и прямого дополнения прием вынесения в начало предложения слова, выполняющего роль темы вопроса, использовался в старофранцузский период, судя по нашему материалу, также применительно к косвенному дополнению и именному (предложному) определению.

– U arrivastes? dist Hervis…
– Droit a Marselle, se dient le barbé.
Et dist Hervis: – Seignour, or m'entendés!
Dou duc de Mes oïstes ains parler?
– Oïl voir... [Metz: 186–187, 4597–4601]

(– Куда вы прибыли? – сказал Эрви.
– Прямо в Марсель, – говорят старцы.
И сказал Эрви: – Сеньоры, послушайте меня!
О герцоге де Мес вы когда-нибудь слышали?
– Да, конечно.)

* * *

– Sire, fait li rois Urriiens,
ensi vous avint il? – Voirs est,
che dist li rois. – Et d'Accalon
savés vous i'aventure?
– Certes, nennil, che dist li rois Artus. [Merlin, I: 229]

(– Государь, – говорит король Уриен, –
значит с вами случилось такое? – Да, это правда,
– сказал король. – А о судьбе Аккалона

вы (что-нибудь) знаете?
– Нет, конечно, – сказал король Артур.)

В первом примере вынесение косвенного дополнения в начало предложения вызвано предыдущим сообщением: люди, с которыми разговаривает Эрви, только что были в Марселе; известие об этом подсказывает ему новую, важную для него тему вопроса – с нее он и начинает предложение. Во втором примере существительное с предлогом *“d’Accalon”*, являясь темой вопроса, противопоставлено теме предыдущего вопроса *“vous”*, чем и вызвано его вынесение в начало предложения.

Наряду со способом простой перестановки компонентов актуального членения в целях выделения темы вопроса в старофранцузский период уже применялся прием сегментации. Примеры на сегментацию дают прежде всего такие старофранцузские общевопросительные предложения, в которых выделяется тема – подлежащее.

Выделенной оказывается тема – подлежащее, выраженная личным местоимением:

– Je sent les maus d’amer por vos, par m’ame,
Et vos, por moi sentés les vos, ma dame?
[Chansons satiriques: 37, 23–24]

(– Я чувствую по отношению к вам муки любви, клянусь душой,
А вы, чувствуете ли вы их по отношению ко мне, моя госпожа?)

* * *

– Di mi, qu’as tu chi en ches boches?
– Il i a pain, sel et cresson.
Et tu, as tu riens, Marion? [Robin: 110, 657–659]

(– Скажи мне, что у тебя в этом мешке?
– Хлеб, соль и кресс-салат.
А у тебя есть что-нибудь, Марион?)

Во всех подобных примерах вынесение личного местоимения в сегмент с его последующим воспроизведением в виде подлежащего при глаголе, производится с целью выделения темы вопроса.

В сегмент выносится в старофранцузский период не только местоимения, как в приведенных примерах, но и, даже значительно чаще, существительное:

– Biaus nies, dist ele, com avés esploitié?
Que fait Soibaus? Es il sains et haitiés?
Comment le fait Gerars...?
Et mi doi fil, sont il saint et haitié? [Hantone, II: 239, 6068–6072]

(– Дорогой племянник, – сказала она, – как вы сражались? Как дела у Сойбо? Он здоров?
Как дела у Жерара…?
А мои два сына, здоровы ли они?)

Совершенно очевидна особая заинтересованность королевы в здоровье своих сыновей. Вопрос *"Et mi doi fil…?"* представляет своеобразную кульминацию в серии следующих друг за другом вопросов. Вынесение темы последнего из них в сегмент, способствует ее акцентированию.

В примере:

Li reis apelet Malduit, sun tresorer:
– L'aveir Carlun, est il apareillez?
Et cil respunt: – Oïl, sire,
asez bien. [Roland: 68, 642–644]

(Король призывает Мальдуи, хранителя сокровищ:
– А сокровище для Карла приготовлено?
И тот отвечает: – Да, сударь, вполне.)

– где также издатель поставил запятую, выделение производится на фоне контекста предшествующих лесс, в которых речь идет о дарах Генелону, ср. в непосредственно предшествующей данному фрагменту лессе:

Atant vint la reine Bramimunde:
– Jo vos aim mult, sire, dist ele al cunte,
Car mult vos prisent mi sire e tuit si hume.
A vostre femme enveierai dous nusches. [Roland: 66–68, 634–637]

(Затем туда пришла королева Браммимонда:
– Я вас очень люблю, сударь, – сказала она графу,
Ведь вас очень ценит мой господин и все его люди.
Вашей жене я посылаю два колье…)

Вопрос о дарах Карлу Великому как бы завершает всю сцену. Тема общевопросительного предложения противопоставлена теме предшествующего сообщения.

В приведенных примерах издатели старофранцузских текстов обозначили сегментацию запятой. В ряде случаев она получает формальное выражение в виде других знаков препинания, например, вопросительного знака:

– Par devers Erewic cument funt les barons?
E cil d'Estutevile? tienent il lur maisuns?
[Fantosme: 521, 1545–1546]

(– В Эревике как поживают бароны?
А бароны Эстутевиля? Они по-прежнему владеют своими домами?)

Иногда сегментация обозначается границей строфы, как в следующем примере:

– Que fait vo mere? Et vostre pere
Est-il haitiés? Sire, oïl, voir. [Gliglois: 91, 954–955]

(– Как поживает ваша мать? А ваш отец,
он здоров? – Конечно, сударь.)

Сегмент *"Et vostre pere"* кончает строфу, предложение, в котором тема воспроизводится местоимением-подлежащим, начинает строфу.

Знаки препинания в старофранцузских текстах не могут служить достаточно надежным основанием при выявлении наличия сегментации, как и в других случаях [Ménard, 1976: 181], но они все же представляются показательными. Во всех приведенных примерах тема акцентирована и по смыслу.

В большинстве старофранцузских примеров на рассматриваемые случаи знаки препинания отсутствуют. При анализе этих примеров, однако, обращает на себя внимание тот факт, что и при отсутствии знака препинания тема вопроса как бы выделяется на фоне предыдущего предложения.

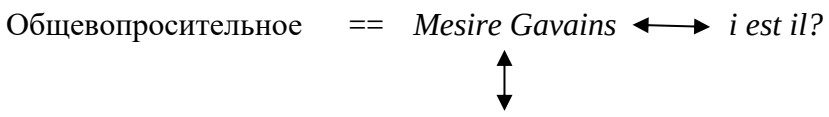
Остановимся подробнее на анализе некоторых наиболее показательных в этом отношении примеров:

– Sire, dist, jes nomerai,
Car tous lor nons demandai.
C'est mesire Waherïés
E Gaudins, li Bruns, et Cligés
Et s'i est mesire Engrevains,

Bliobleris et Ivains
Et Saigremors, et Despreés.
Or les vos tous VII només.
– Mesire Gavains i est il?
– Si m'ait Dex, sire nenil! [Rigomer: 294–295, 9972–9981]

(– Господин, – сказал он, – я их назову,
Потому что все имена я у них спросил.
Это господин Ваэрье
И Годэн Смуглый, и Клижес,
И господин Энгревен,
Блиоблери, и Ивен
И Сайгремор, и Деспре.
Итак, я вам их всех семерых назвал.
– А господин Гавэн, он там?
– Клянусь богом, сударь, нет!)

Один из собеседников перечисляет ряд лиц, о которых он получил необходимые сведения. Среди этих лиц не оказывается ожидаемого другим собеседником имени. Задавая встречный вопрос, он привлекает к этому имени внимание человека, информацию которого он только что выслушал. Несмотря на отсутствие знака препинания, предложение воспринимается как сегментированное. Этому способствует наличие соответствующего фона: общевопросительное предложение не начинает собой диалог, а вписывается в него. Схематически соотношение компонентов актуального членения предложений, составляющих диалогическое единство, можно представить следующим образом (схема составлена по образцу, предложенному для современного сегментированного повествовательного предложения В. Г. Гаком, см. [Гак, 1975, № 5: 55]):

Тема вопроса характеризуется двойной соотнесенностью: с одной стороны – с ремой того же вопроса и, с другой стороны, с темой предложения, составляющего своеобразный фон.

В примере:

Quant li enfes oï de son pere parler,
Li cuers qu'il ot ou ventre li comence à plorer.
Où qu'il voit le paumier, si l'en a apelé:
– Amis, car me dit ore, garde nel me celer,
Cil Sanses de Borgogne est il de grant fierté?
– Oïl, par ma foi, sire, riches hom est assez. [Bourgogne: 12]

(Когда ребенок услышал, что говорят о его отце,
У него защемило сердце, и он заплакал.
И как только он видит странника, он обратился
к нему: – Друг, скажи мне теперь, не скрывай,
Этот Санс из Бургундии очень знатен?
– Да, клянусь, сударь, он достаточно богат.)

фоном выделении темы вопроса является не перечисление лиц, как в ранее приведенном примере, а состояние человека, получающего новую информацию, которая создает атмосферу особой заинтересованности: присутствуя при разговоре об отце, которого он давно не видел и родственные связи с которым он держит в тайне, молодой человек не может скрыть своей особой заинтересованности в получении дальнейшей информации

об этом человеке. Вынося словосочетание *“Cil Sanses de Borgogne”* в препозицию по отношению к группе сказуемого и подлежащего, он, вне всякого сомнения, особо выделяет тему вопроса.

Все 45 имеющихся в нашей выборке старофранцузских примеров на данный тип актуального членения предложения, в которых на первое место выносится группа существительного, воспроизводимая затем местоимением-подлежащим, обнаруживают либо противопоставление (чаще всего), либо наличие определенного фона, на котором производится выделение темы вопросы. Это позволяет, как нам кажется, независимо от наличия или отсутствия знака препинания после группы существительного, рассматривать подобные случаи как примеры с е г м е н т и р о в а н н ы х предложений.

В нашем материале встретился один пример, в котором сегмент-существительное вынесен в конец общевопросительного предложения:

Et dist li dus: – Fille, ne me celés!
Est chou vos fix, cis jovenes bacelers?
– Sire, dist ele, .IX. mois en mes costés
Jou le portai par diu de maïsté. [Metz: 221, 5440–5443]

(И сказал граф: – Дочь, не скрывайте от меня!
Это ваш сын, этот молодой человек?
– Сударь, – сказала она, – девять месяцев
божьей милостью я носила его в своем теле.)

Изучение в предложенном плане старофранцузских сегментированных предложений рассмотренного типа позволяет внести некоторые уточнения в вопрос о происхождении так называемой сложной инверсии.

По данному вопросу существуют разнообразные суждения. Появление сложной инверсии связывают с особенностями оформления частновопросительных предложений (ср.: *Quelle personne voit votre père?* – предложение двусмысленно, отсюда: *Votre père, quelle personne voit-il?* Благодаря этому в дальнейшем появились также предложения типа: *Votre père, part-il?* см.: [Доза, 1956: 348], ср. также [Darmesteter, 1897: 47; Lerch, Bd. III, 1934: 369]) со спецификой французского ударения, выделяющего конечную позицию (на ранних этапах истории языка ударенный была начальная позиция в предложении, поэтому предложение начинались с глагола: *Part vostre pere?* Постепенно происходит ослабление ударенности начальной позиции, отсюда – стремление поставить глагол в конец предложения: *Vostre pere part?* С другой стороны, признаком вопросительного предложения является инверсия, а это вызывает местоименный повтор: *Vostre pere, part-il?* [Boer, 1926, t. 52, № 205–206: 307–313]), а также со стремлением языка к прогрессивному порядку слов (см.: [Guiraud, 1974: 115–118], ср.: [Brunot et Bruneau, 1949: 528]; структура типа *"Part vostre pere?"*, как известно, вышла из употребления, см.: [Krüger, 1876: 42]). Многие исследователи указывают на то, что сложная инверсия в момент ее возникновения служила целям выделения подлежащего-существительного [Foulet, 1921, t. 47: 248; Blinkenberg, 1960: 141–142; Gougenheim, 1939: 273].

Проведенное исследование подтверждает последнее из названных суждений, которое, правда, высказывается лишь в самом общем виде и специально не доказывается. Уточнение, которое можно внести в него по данным представленного выше анализа языкового материала, заключается в следующем. Поскольку сегментированные структуры являются операторами актуального членения предложения (ср.: [Долинин, 1975: 18;

Пославская, Сафронова, 1978, ч. II: 103–104]), то можно, по-видимому, говорить о том, что возникновение сложной инверсии во французском языке происходило на уровне коммуникативного синтаксиса: оно диктовалось в первую очередь с в е р х ф р а з о в ы м и контекстуально-ситуативными связями. Необходимыми условиями его реализации было наличие определенного фона, в противопоставлении которому или в соотнесении с которым и производилось выделение темы вопроса.

Тип актуального членения предложения «выделенная тема – рема» реализовался в старофранцузском языке при помощи сегментации также в предложениях, имеющих темой прямое дополнение:

Qui vous donna cel fort escu bendé
Et cel hauberc et cel elme germé?
Et cel cheval, aves le vos emblé?
Ce sont les armes Braidimont l'amiré.
[Hantone, II: 131, 3235–3238]

(Кто вам дал этот крепкий меч
И эту кольчугу, и этот шлем?
А эту лошадь, вы ее украли?
Это снаряжение эмира Брайдимона.)

* * *

– He, dieux, fet il, don't venez vous?
Voz armes vendriez les vous?
Ge croi, vous les avez prestees;
Demain vous seront raportees. [Claris: 51, 24238–24241]

(– О боже, – говорит он, – откуда вы пришли?
А свое оружие, не продали ли вы его?

Я полагаю, что вы его одолжили
И завтра вам его вернут.)

В случае выделения темы – прямого дополнения также имеется обычно определенный фон, на котором как бы «высвечивается» тема вопроса. В первом примере – это прямые дополнения, подчеркнутые в предыдущем частновопросительном предложении волнистой чертой, во втором – сама необычность ситуации: рыцарь появляется без оружия что, что не может не вызвать соответствующей реакции.

Примеров на сегментацию прямого дополнения при вынесении сегмента в конец предложения в старофранцузских текстах нам не встретилось. Имеется один пример расчленения выделенной темы:

– Claris, fet il, don't venez vous?
Lidoyne veistes la vous,
Ma seror, la franche royne? [Claris: 17, 351–352]

(– Клари(с), – сказал он, – вы откуда?
Лидоину вы (ее) видели,
Мою сестру, благородную королеву?)

В данном случае группа слов, вынесенная в конец предложения, является приложением к той части сегмента, который начинает предложение.

Сравни употребление приложения после прямого дополнения:

– Dites, danz moines, o avez vos esté?
Cui avez vos dedanz Paris trové?
Veïstes Charle, le fort roi queroné? [Narbonnais, I: 73, 1900–1903]

(– Скажите, господин монах, где вы были?
Кого вы в Париже нашли?
Видели ли вы Карла, сильного коронованного короля?)

Прием сегментации в современном французском языке получил большое распространение. Сегментированные конструкции характерны для «аффективного синтаксиса живой разговорной речи», см.: [Зайцева, 1975: 71]. Из второстепенных членов предложения сегментируется как прямое, так и косвенное дополнение и обстоятельство. Сегмент может выноситься в начало и в конец предложения. При сегментации широко используются знаки препинания – в основном запятая. Ср., с одной стороны:

Le client, tu l'as vu ressortir?
– Oui... [San-Antonio, Mort : 138]

Ce secret, vous étiez les seuls à le savoir ?
–Non. [Pagnol, César: 94]

и, с другой стороны:

Tu l'aimes donc tant que ça, ta femme? [Sartre, Mort: 222]

Tu le regrettes, ce temps-là? [Sartre, Age: 12]

Приведены наиболее типичные случаи сегментации прямого дополнения (выделения темы) в современном языке. К ним можно добавить примеры на косвенное дополнение и обстоятельство:

Tu y crois, aux fantômes? [Pagnol, Château: 143]

Vous y allez directement, à votre fabrique? [Adamov, Paolo, III: 27]

Изучая явление сегментации, исследователи задаются вопросом: что выделяется в сегментированном предложении: обозначенное глаголом действие или сам сегмент. Мнения по данному вопросу расходятся. Ф. Брюно, например, считает, что выделенным является действие, см.: [Brunot, 1922: 224]. Е. И. Костецкая полагает, что особо акцентированной частью предложения оказывается сегмент, см.: [Костецкая, 1951, № 4: 19]. Отправным моментом при решении этого вопроса является место в предложении вынесенного в сегмент слова (группы слов). Считается, что при начальной позиции сегмента именно он является особо выделенным, в случае его вынесения в конец – остальная часть предложения. Наиболее убедительным в этом отношении нам представляет мнение, согласно которому «цель сегментации – яркое противопоставление темы и ремы и сильное выделение ремы как центра высказывания с одновременным подчеркиванием темы, как в ряде случаев очень важной его части» [Реферовская, 1966: 100; ср.: Sechehaye, 1926: 134–136; Гак, 1954, т. 5: 51; Балли, 1955: 80].

Отсутствие запятой при сегментации, а оно в ряде случаев возможно, ср.:

– *Vous le connaissez le vieux du 49?*
– *Non.* [Théâtre, 1976, № 595: 10]

не снимает, как нам кажется, выделительной силы самой синтаксической структуры.

Особенно показательны примеры типа следующего (в нашей выборке, правда, всего один пример):

– *Et de son père, entre nous, est-ce que vous en êtes jaloux, de son père?* [Aragon: 23]

где тема выделяется дважды. Двойная сегментация особенно наглядно подтверждает мысль о том, что при сегментации происходит выделение не только темы, но и ремы вопроса: вероятно, именно потребностью еще раз привлечь внимание к теме вопроса, после того, как в результате сегментации оказалась выделенной не только тема, но и рема, и объясняется вторичное воспроизведение темы вопроса.

Изложенные факты позволяют высказать в виде предположения следующее: сегментация прямого дополнения, представляя собой способ выделения темы, и в то же время, в силу того, что она отделяет тему от ремы, – способ дополнительной акцентуации ремы вопроса, сигнализирует такой тип актуального членения общевопросительного предложения, при котором оба компонента коммуникативно маркированы, т. е. тип «выделенная тема – выделенная рема». Это особенно очевидно в современном языке.

При изучении старофранцузского материала была отмечена возможность вынесения прямого дополнения – темы вопроса в целях ее выделения в начало предложения без ее воспроизведения местоимением, т. е. использование приема простой перестановки членов предложения. В современном французском языке использование этого приема выделения темы в силу известных причин (закрепление прогрессивного порядка слов) невозможно. Встречающиеся случаи сегментации, не сопровождающиеся местоименной репризой, принципиально отличаются от старофранцузских. В примерах из современного языка типа:

Il dit: – Les deux socialistes alsaciens, tu as vu?
– Quels socialistes?
– Chez les Alsaciens, on avait répéré deux socialistes. [Sartre, Mort: 384]

именная группа, вынесенная в сегмент, не может рассматриваться как прямое дополнение глагола *voir*. Преобразовать предложение без изменения его смысла невозможно: трансформация *Les deux socialistes alsaciens, tu les as vus?* ведет к изменению смысла. В исходном предложении глагол используется как безобъектный.

Ср. также:

> *Comment sauraient-ils que vous êtes sa mère et qu'il habite ici? Comment sauraient-ils?... Vous entendez, cette garce en dessous? Elle chante... Elle ose chanter...* [Gamarra, Amours],

где глагол *entendre* не связан объектными отношениями с вынесенной в сегмент именной группой. Здесь это, скорее, выделение темы – подлежащего следующего предложения. Преобразование: *Vous (l') entendez, cette garce en dessous?* изменило бы смысл высказывания, тогда как трансформация: *Vous entendez? Cette garce en dessous, elle chante…* не внесла бы в него сколько-нибудь существенных изменений.

Итак, тема вопроса – не подлежащее – в общевопросительном предложении обоих сопоставляемых периодов могла выделяться путем сегментации. В старофранцузском языке этот прием использовался наряду с простой перестановкой компонентов актуального членения, в современном языке это единственно возможный способ выделения темы вопроса. Вместе с тем, выделение темы (ее вынесение в сегмент) способствует своеобразному обособлению ремы – при сегментации она как бы приобретает определенную самостоятельность и, тем самым, к ней привлекается дополнительное внимание. В результате предложения с сегментированным второстепенным членом предложения образуют такой тип актуального чле-

нения, при котором оказываются коммуникативно маркированы оба его компонента. Это особенно прослеживается на материале современного французского языка. Что касается сегментированных структур старофранцузского периода, то в них, как показывает материал, больше выделена тема, нежели рема.

Выделение темы – подлежащего в современном языке всегда обозначено местоименным повтором. Сегментация подлежащего (как и второстепенных членов предложения) получила, как известно и как об этом упоминалось выше, формальное выражение в виде знаков препинания, ср.:

– *Et le capitaine, il est prêt?* [Pagnol, César: 126]

– *Et Rachel? Elle est avec lui?* [Théâtre, 1977, № 601: 19]

– *Il va bien, Pierre?* [Mauriac: 59]

Наличие знака препинания служит бесспорным показателем сегментации, его отсутствие, однако, отнюдь не всегда свидетельствует об отсутствии выделения. Сопоставление следующих пар примеров, в которых то используется запятая, то не используется:

– *Il est grand, ton bateau?* [Pagnol, César: 171]

– *Il est grand le cachot?* [Salacrou, Histoire: 333]

* * *

– *Alors, c'est toi, le prophète?* [Salacrou, Histoire: 400]

– *Alors, c'est toi le prophète?* [Salacrou, Histoire: 402]

показывает, что выделение темы имеет место и при отсутствии запятой. Ср. также:

– *Il a le téléphone ton défunt, non?* [Dard: 23]

– *Alors, c'est fini votre lettre?* [Druon, Chute: 392]

Выделение темы путем ее вынесения в начало предложения (сегмент) в подавляющем большинстве случаев обозначается запятой, однако, иногда запятая отсутствуют, ср.:

– *J'aime bien qu'on compte sur moi, et faire ce qu'on attend de moi.*
– *Pourquoi: de vous? Les autres ne peuvent-ils le faire?*
– *Si, bien sûr. Mais ils ne le font pas.* [Nous Deux, № 1242: 8]

Совершенно очевидно, что в данном примере противопоставлены два субъекта речи (две темы): собеседник (*vous*) и другие лица (*les autres*), и что в данном случае вторая тема, как, впрочем, и первая, особо не выделена. Запятая, однако, отсутствует. Аналогичный пример:

– *Mon fils a le droit de connaître son père.*
– *Très bien! Et ta femme est-elle de ton avis?*
Marc ne répond pas. [Nous Deux, № 1242: 44]

где также эксплицитно выражено противопоставление.

Выше (с. 92) в связи со старофранцузскими сегментированными предложениями шла речь о фоне, на котором выделяется тема вопроса (ср. ст.-фр.: *Soibaus…, Gerars… / Et mi doi fil…*). В выборке по современному периоду иногда встречаются примеры, в которых, казалось бы, тоже есть некий фон (перечисление лиц), однако, используется прямой порядок слов (без местоименного повтора):

– *Grand-mère le savait?*
– *Oui.*
– *Et tante?*
– *Elle le sait aussi.*
– *Et mon parrin César le sait probablement?*
– *Oui, il le sait.* [Pagnol, César: 94]

Дело в том, что перечисление лиц в данном случае не создает фона в том понимании, в каком данное слово (фон) было употреблено применительно к старофранцузскому. Там фон – это перечисление лиц (или событий) менее значительных для говорящего, чем то лицо (событие), о котором он затем спрашивает; либо лицо, о котором идет речь в вопросе, противопоставлено лицу (лицам), о котором только что велась речь. Здесь же это просто перечисление лиц, знающих о каком-то факте. Отсутствие выделения темы показывает, что говорящий проявляет по отношению ко всем, о ком идет речь, одинаковую заинтересованность. Отсюда мы делаем вывод: в случае актуального членения предложения при определении «фона» необходим учет контекстуально-ситуативных связей общевопросительного предложения.

В связи с изучаемыми в настоящем разделе вопросами нельзя не остановиться на рассмотрении современной с л о ж н о й и н в е р с и и. Имеются примеры в современном языке, где сегментация темы – подлежащего не обозначена запятой. Такой способ построения общевопросительного предложения синтаксически омонимичен сложной инверсии, ср.:

– Alors, il faut regarder les choses en face.
– La tante lui avait-elle parlé? [Simenon, Maison: 123]

* * *

Elle se recula pour juger de son ouvrage et dit avec satisfaction:
– Vous voilà propre comme un sou.
– Le voyage aura-t-il long? demanda Charles d'une voix altérée. [Sartre, Sursis: 248]

В подобных случаях выделения темы не происходит, конструкция, как это неоднократно отмечалось в лингвистической

литературе, носит грамматизованный характер. Потеря выделительной конструкцией своего аффективного значения, объясняется, в частности, частым употреблением этой конструкции, см.: [Foulet, 1921, t. 47: 243–348]. Имеющийся в нашем распоряжении языковой материал полностью подтверждает это: сложная инверсия с номинальным подлежащим служит целям введения нового субъекта (см. [Сабанеева, 1966: 220], ср. [Голубенко, 1973: 6–7], а не целям его коммуникативного выделения. Это позволяет, например, начинать диалог с общевопросительного предложения со сложной инверсией, ср.:

Le taxi s'arrêta. Mathieu descendit et sonna à la porte du foyer.
– Melle Ivick Serguine est-elle là?
La dame le regarda avec défiance.
– Je vais voir, dit-elle. [Sartre, Age: 358]

– в подобных случаях подлежащее – тема вопроса особо не выделяется.

Сопоставление наблюдений над современным языком с теми, которые были сделаны в ходе анализа старофранцузского материала, показывает, что старофранцузские предложения типа: существительное + глагол + *il (elle, ils, ells)…?*, представляющие в старофранцузский период сегментированную структуру, характеризующуюся выделением темы (и как следствие этого, вероятно, также в какой-то мере и ремы). В ходе дальнейшей истории языка они разошлись в своем развитии, дав, с одной стороны, сегментированные построения – непосредственное продолжение того типа актуального членения, которое было свойственно и старофранцузскому языку: «выделенная тема – (выделенная) рема» и, с другой стороны, – коммуникативно нейтральную структуру (сложную инверсию), представляющую тип актуального членения: «тема – рема».

Следовательно, произошло раздвоение знака, которое получило формальное отражение в пунктуации, ср. [Веденина, 1980: 17]. Перейдя в разряд коммуникативно нейтральных структур, сложная инверсия в современном языке получила новую маркированность, а именно: стилистическую – она используется предпочтительно в официально-деловом стиле, см. [Сабанеева, вып. 1, 1965: 119; Wandruszka, t. II, 1970: 70].

Изучение коммуникативного членения общевопросительного предложения позволяет выразить отношение к проблеме ударенности той или иной позиции в предложении.

Существует две прямо противоположные точки зрения, касающиеся этого вопроса. В соответствии с одной из них в старофранцузском повествовательном предложении ударенной считается начальная позиция ([Richter, 1903: 108; Jordan von L., 1923: 108; Herman, 1954, t. 4, fasc. 1–2: 94; Szabics, 1973, t. 23, fasc. 1–2: 131–135], ср. в латинском языке, см.: [Marouseau, 1907: 13; Реферовская, 1966: 87]. Повествовательное предложение создает тот необходимый фон, на котором осознается своеобразие других видов предложений, см., в частности: [Dubois, 1969: 65]. Опираясь при изучении на повествовательное предложение, мы принимаем во внимание тот факт, что вопросительное предложение старофранцузского языка в отличие от повествовательного строится по своим собственным законам, см.: [Васильева, 1972, вып. 22: 28]. Согласно другой точки зрения, ударенной позицией в этот период чаще является конечная [Скрелина, 1972: 170].

Что касается старофранцузского общевопросительного предложения, по мнению исследователей, ударенной является начальная позиция, поэтому ее занимает самое значимое слово – глагол. Выражаясь языком актуального членения, «самое значимое слово» – это рема, коммуникативный центр.

Противоположность существующих точек зрения относительно ударенности позиции в старофранцузском повествовательном предложении и почти полная неразработанность данного вопроса применительно к общевопросительному предложению делает необходимым изучение старофранцузского материала и под этим углом зрения.

Известно, что коммуникативный центр сопровождается самым высоким ударением (см., в частности [Смольевский, 1961, т. 26: 91]), т. е. обязательно обозначен интонационно. Изучая современное французское вопросительное предложение, исследователи обнаружили, что изменение позиции интонационного центра тесно связано с изменением смыслового центра (см., например: [Пинаева, 1960, т. 18: 131–157; Качан, 1975: 129–136]). Причем вопросительное предложение современного французского языка в плане соотнесения коммуникативного центра вопроса с его интонационной вершиной обнаруживает черты сходства с вопросительными предложениями других языков. Это позволило исследователям сделать вывод о том, что данное явление «обусловлено общечеловеческим характером мышления» [Шевякова, 1974, № 5: 116]. Следовательно, соотнесенность коммуникативного центра с интонационной вершиной должна наблюдаться и в старофранцузском общевопросительном предложении, иными словами: ударенной позицией в предложении является та его часть, где находится коммуникативно выделенное слово.

Изученный в настоящем разделе материал показал следующее.

Начальная позиция в старофранцузском общевопросительном предложении может быть действительно ударенной: а) в немаркированной структуре «рема – тема», где в функции ремы выступает глагол в личной форме (*Veïstes vos Leonin?*) –

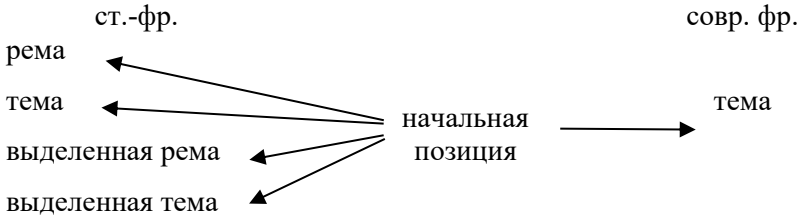
такие вопросы составляют большинство изученного материала; б) в маркированных структурах: «выделенные рема – тема» (*En livre est escrit?*) и «выделенная тема – рема» (*Leonin veïstes vos?*). Выделенная тема всегда обозначена интонационно, см. [Балли, 1955: 71]

Говорить с полной определенностью об ударенности начальной позиции в старофранцузском общевопросительном предложении было бы неправильно. Анализ языкового материала показал, что в начальной позиции старофранцузского общевопросительного предложения встречается тема вопроса, которая коммуникативно не выделена, а, следовательно, не несет на себе ударения. Это обнаруживается в коммуникативном типе «тема – рема» при теме – глаголе (*Venistes vos pour truander?*) (исследователи считают, что в случаях, когда ремой является не глагол, формально общевопросительное предложение выступает по сути как частновопросительное, см.: [Huddleston, Uren, 1969, vol. 22, № 1: 9 ; Frei, 1970: 103–108]) и при теме – подлежащем, осуществляющем связь с предыдущим высказыванием и являющимся безударным (*Vos en alés?* – в вопросе – констатации) (исследователи старофранцузского языка отмечают, что уже к XII в. местоимение может считаться безударным, в частности, см.: [Franzen, 1939: 34]. Следует уточнить, что в старофранцузском предложении личное местоимение, находясь в начальной позиции, могло быть ударенным еще в XIII в. (выделение темы). В тех случаях, когда местоимение выступало в качестве темы, оно являлось безударным). Последний тип актуального членения «тема – рема» способствовал ослаблению ударенности начальной позиции. Появление выделительных конструкций, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ослабление ударенности начальной позиции ощущается уже в старофранцузский период. Носителю языка кажется

недостаточным просто поставить слово в начальную позицию, чтобы его выделить.

В современном французском языке картина выглядит иначе. Основной коммуникативный тип общевопросительного предложения – «тема – рема» (*Vous connaissez cet homme?; Vous habitez ici?*). Начальная позиция занята темой – подлежащим, чаще всего оно выражено местоимением. В современном французском языке местоимение, как известно, составляет одну ритмическую группу с глаголом [Щерба, 1957: 84]. В силу своей неударенности подлежащее – личное местоимение при отсутствии особых средств выделения не может выступать как выделенная тема, в отличие от старофранцузского, где это было возможно. В силу окситонического ударения современного французского языка коммуникативный центр находится всегда в конце ритмической группы, либо в конце предложения [Bar, 1958, № 4: 241; Барышникова, 1960, № 2: 101; Реферовская, 1973: 127]. Как отмечалось выше, в современном французском языке возможен коммуникативный тип «рема – тема» (*Connaissez-vous cet homme?*), но и в этом случае, поскольку местоимение с глаголом составляет одну ритмическую группу, можно говорить о том, что рема вопроса находится не в начальной позиции, а в конце ритмической группы.

Итак, начальная позиция старофранцузского и современного периода по отношению к компонентам актуального членения может быть представлена следующим образом:

Обратимся еще к одному важному моменту. В лингвистической литературе распространено мнение о том, что порядок слов в старофранцузском языке является свободным (см. в частности: [Wartburg, 1934: 90]), ср.: «На протяжении всего периода своего становления французское предложение явилось ареной борьбы между свободным и фиксированным порядком слов», см.: [Чебялис, 1978: 13]. Что касается старофранцузского общевопросительного предложения, то, по-видимому, можно говорить об относительной свободе в нем порядка слов. Как правило, общевопросительное предложение начинается с глагола в личный форме, что позволяет рассматривать инверсию как признак вопросительности. Во всех других случаях, где начальная позиция занята не глаголом в личной форме, вынесение в начальную позицию либо отвечает требованиям коммуникативного синтаксиса (выделение темы или ремы), либо обнаруживает влияние семантических факторов.

Выводы по разделу 2

Проведенное во втором разделе исследование показало, таким образом, что: синтаксический процесс закрепления прогрессивного порядка слов, характеризующий историческое развитие французского языка, имел ряд существенных последствий для актуального членения французского общевопросительного предложения. Их можно суммировать следующим образом: а) вышел из употребления такой синтаксический прием, как выделение темы и ремы вопроса путем простого их вынесения в начало предложения; б) в силу отмирания синтаксического приема выделения ремы вопроса путем ее вынесения в начало предложения выделительные конструкции стали использоваться не только с подлежащим и прямым дополнением, как в старофранцузском языке, но и с любым другим членом

предложения, кроме сказуемого – глагола в личной форме (*C'est à Paris que vous partez? C'est hier que vous l'avez vu?* и т. п.; в) структуры с прямым порядком слов при теме – подлежащем полностью перешли в разряд коммуникативно нейтральных (предложения современного языка типа: *Vous connaissez cet homme? Pierre est parti?* уже не воспринимаются как прием особого выделения темы вопроса, поскольку прямой порядок слов стал обычным для вопросительного предложения); г) произошло вычленение из состава сегментированных структур сложной инверсии, характеризующейся отсутствием сегментации, и, следовательно, коммуникативно нейтральной.

Представляя собой самостоятельный уровень организации высказывания, актуальное членение предложения обнаруживает вместе с тем самую тесную связь с синтаксическим уровнем. На разных этапах истории языка эта связь выражается по-разному. В старофранцузском языке она проявлялась: а) в использовании с целью коммуникативного выделения синтаксически наименее типичной структуры (например, именная часть сказуемого перед глаголом-связкой, прямое дополнение перед сказуемым); б) в наличии зависимости способов выделения компонентов актуального членения предложения от выполняемой ими синтаксической функции. В ходе истории языка связь синтаксического и коммуникативного уровней выразилась в отмирании способов актуального членения предложения (простая перестановка членов предложения), в расширении диапазона их использования (*c'est… que…*), в их грамматизации (сложная инверсия).

Раздел 3. СОДЕРЖАНИЕ ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ (типы запросов)

В первом разделе исследования вопросительные предложения были систематизированы по их целевой установке: получение информации, побуждение к действию и т. д. При изучении актуального членения предложения во втором разделе была произведена систематизация основных моделей актуального членения общевопросительных предложений, присущих каждому из сопоставляемых периодов истории французского языка. И в том, и в другом случае, опираясь на конкретное содержание вопросов, мы, вместе с тем, стремились абстрагироваться от него, свести его к определенным семантическим или коммуникативным типам предложений. «Для изучения истории языка одинаково важно учитывать изменение формы (означающего) и изменение содержания (означаемого). Развитие каждой конкретной формы, конструкции, типа предложения может быть достаточно глубоко понято только при учете их функций, значений, употреблений. При этом темпы изменения означающего и означаемого в пределах той или иной категории не всегда совпадают», см.: [Скрелина, 1975: 83]. Конкретное содержание вопросов, однако, представляется интересным и само по себе: ведь, изучаемые в работе вопросы задаются носителями одного и того же языка, жившими (живущими) в разные эпохи, интервал между которыми составляет 700–800 лет. Естественно спросить: близки ли по содержанию, и в чем именно, вопросы, относящиеся к IX–XIII вв., с одной стороны, и к XX в., с другой? Существуют ли различия в содержании вопросов и, если да, то как их можно объяснить?

Какие-то предположения относительно своеобразия смыслового наполнения вопросов, содержащихся в старофранцузских текстах, можно было высказать a priori, зная жанровую соотнесенность самих старофранцузских текстов. Так, например, поскольку основными персонажами старофранцузских текстов были короли, бароны, графы и другие знатные лица, можно предположить, что, задавая так называемый идентифицирующий вопрос, т. е. вопрос, целью которого является идентификация того или иного лица, персонаж спросит, король ли он или граф, тогда как носителя современного языка заинтересует, является ли его собеседник фотографом, студентом, шофером и т. д. И, действительно, старофранцузские тексты содержат множество вопросов, направленных на выяснение социального происхождения собеседника или другого лица:

Es tu haus hom? [Hantone, II: 741, 18418]

(Ты благородный человек?)

* * *

Estes vous filz de gentil homme? [Nausay: 11, 387]

(Вы сын дворянина?)

* * *

Est il frans hom et de grant parenté? [Hantone, II: 479, 12192]

(Он благородный человек и знатного родства?)

* * *

Sire, dist li Bastars, sont che gent de haut pris? [Sebourc, II: 177, 700]

(– Господин, – сказал внебрачный сын, – эти люди знатного рода?)

* * *

Estes haus u de bas parenté? [Hantone, III: 167, 4456]

(Вы благородного или низкого родства?)

или социального положения, вытекающего, как правило, из социального происхождения:

Est chou borgois u chevalier? [Lai: 21]

(Это горожанин или рыцарь?)

* * *

Estes vos donques la roine? [Palerne: 153, 5264]

(Так вы королева?)

* * *

Est çou la rois ou duc ou quens? [Rigomer: 383, 12969]

(Там король, герцог или граф?)

* * *

N'esteient pas rei, cunte, ne contor? [Reimpredigt: 20, 40]

(Там разве не были король, или граф?)

* * *

Sont che uilain de uile u borgoi de cité? [Aiol: 328, 315]

(Это простолюдины или горожане?)

* * *

Estes vous chevalier? [Claris: 14, 477]

(Вы рыцарь?)

В силу специфики старофранцузских текстов (героический эпос, рыцарская поэма и т. п.) в них, действительно, преобладает запрос о благородным (знатном) происхождении.

В современном материале на 6000 примеров не встретилось ни одного аналогичного предложения. Зато вопрос, касающийся социальной занятости человека, стал одним из наиболее распространенных:

Tu es charpentier? [Merle: 99]

Vous êtes mécanicien? [Vailland, Masque: 164]

Vous êtes artiste, je crois? [Bazin, Madame: 65]

Vous êtes commerçant? [Sartre, Mort: 44]

Vous êtes adjudant? [Sartre, Mort: 286]

Vous êtes ingénieur, n'est-ce pas? [Boule: 84]

Et tu es garagiste? [Pagnol, César: 242]

В старофранцузских текстах идентификация по социальной занятости также производится при помощи общевопросительного предложения, но при другом его лексическом наполнении:

Este vus souder? [Hantone: 74, 2017]

(Вы наемный солдат?)

* * *

Est, dist Yder, vallet? [Yderroman: 2, 36]

(Идер сказал: – Это молодой человек, находящийся на службе у сеньора?)

* * *

Enne sui je bon menestrel? [Folie: 36, 527]

(Разве я плохой менестрель?)

* * *

Sont ce moine? [Renart: 41]

(Это монахи?)

* * *

Jies tu messaiges, vallet nen escuier? [Fieralras: 13, 76]

(Ты посол, находишься на службе у сеньора или оруженосец?)

* * *

Sire maistre, estes vous prestre? [Remi, II: 283, 68]

(Господин, вы священник?)

Преобладает вопрос о занятости на военной службе, что связано опять-таки с жанром старофранцузских художественных произведений. Ср. в древнерусском, где семантико-тематическая стабильность поддерживается устойчивостью жанров, см.: [Михайловская, 1980: 248].

Зная реалии жизни старофранцузского и современного общества, можно опять-таки a priori предположить, например, что вопросы о религиозной принадлежности значительно актуальнее для носителя старофранцузского языка, тогда как носителя современного языка скорее заинтересует принадлежность собеседника к той или иной политической партии (о целесообразности учета «внешнелингвистических реалий» см.: [Волкова, 1977, вып. 114: 5; ср. Лихачев, 1973: 68]). Ср. типичные для старофранцузских текстов вопросы:

Estes vous crestien ou de la gent averse? [Avignon: 109]

(Вы христианин или иноверец?)

* * *

Est il paiens …? [Aliscans: 119, 3610]

(Он язычник …?)

и для современного:

Es-tu communiste? [Vailland, Masque: 30]

Est-il royaliste? [Daninos: 24]

Tu es nazi? [Sartre, Sequestrés: 145]

Tu es démocrate? [Charles-Noux: 248]

C'est un anarchiste? [Sartre, Age: 16]

Вопросы о религиозной принадлежности встречаются и в современных текстах. На 6000 примеров, однако, их в нашей выборке всего три:

Êtes vous catolique? [Cesbron: 228]

Vous êtes chrétienne? [Cesbron: 337]

Tu es chrétienne? [Anouilh: 403]

Расширение географических познаний человека должно привести к увеличению многообразия задаваемых вопросов в плане идентификации по национальной принадлежности. В старофранцузских текстах это в основном вопросы:

Es tu François? [Hantone, II: 735, 18277]

(Ты француз?)

* * *

Sont il Sarrazins? [B. de Hantone: 95, 2761]

(Они сарацины?)

* * *

Estes François, Sarrazins …? [Aliscans: 147, 4478]

(Вы француз, сарацин …?)

В современном языке:

Vous êtes français? [Boulanger: 12]

Vous êtes américain? [Dard: 16]

C'est un Espagnol? [Courcel: 203]

Tu n'es pas grec? [Théâtre, 1976, № 600: 12]

Vous êtes allemand? [Arnothy: 95]

Vous n'êtes pas Italien, au moins? [Sartre, Mort: 43]

Столь же заметно и расширение круга вопросов о месте жительства (пребывания), ср. в старофранцузском:

Dame, estes vos de Paris? [Romances: 87, 21]

(Госпожа, вы из Парижа?)

* * *

Estes de Franche? [Hantone, I: 306, 8754]

(Вы из Франции?)

* * *

Est il donques de Gaillee ...? [Passion: 38, 880]

(Так он из Галлии …?)

* * *

Es tu Auvergnaz ou Tiois? [Fabliaux, II: 180]

(Ты Овернец или Тийолец?)

и в современном языке:

Tu es Egyptienne? [Théâtre, 1976, № 600: 10]

N'es-tu pas Florentine? [Salacrou, Histoire: 279]

Tu es Algérien? [Merle: 176]

Vous êtes Berlinoise? [Arnothy: 117] и т. п.

И, наконец, еще один момент можно высказать в качестве априорного предположения, которое находит полное подтверждение в исследуемых текстах: вопрос об обладании чем-то должен был во многом измениться по своему содержанию, поскольку изменился сам состав тех предметов, обладание которыми может интересовать носителя языка в соответствующий период. Для текстов старофранцузского периода наиболее характерны вопросы, подобные следующим:

A ge corone? [Renart, II: 120, 404]

(У меня имеется корона?)

* * *

L'ont-il de lor loial chatei? [Rutebeuf, I: 176, 43]

(Разве они имеют свои законные замки?)

* * *

Aurai je mon treu? [Avignon: 103]

(Буду ли я иметь подать?)

* * *

Sire, fet il, vavasors, n'avez vos point d'escu? [Art: 9, 8–9]

(Господа, подвассалы, – говорит он, – у вас нет щитов?)

* * *

Avez vos, fait il, nule lance? [Rigomer: 246, 8369]

(– Есть ли у вас, – говорит он, – какое-нибудь копье?)

Персонажи современных художественных произведений интересуются, имеет ли их собеседник (или иное лицо) машину, фотоаппарат, телефон, удостоверение личности, спички и т. д.:

Vous avez une auto? [Simenon, Maison: 9]

N'aviez-vous pas un appareil de photo? [Arnothy: 170]

Vous avez le téléphone? [Théâtre, 1976, № 595: 22]

Avez-vous une carte d'identité? [Bazin, Bureau: 21]

Auriez-vous des allumettes? [Bruce: 25]

Все эти изменения в содержании вопросов относятся к области речевого узуса, находящегося в непосредственной зависимости от изменений внеязыкового плана, от социальных факторов развития общества носителей французского языка, см.: [Никольский, 1976: 61; Дешериев, 1977: 8]. Это подтверждает справедливость тезиса об аккумулятивной функции языка, т. е. о том, что «язык в известном смысле аккумулирует в себе общественный опыт человечества и приобретаемые в реальной жизни знания» [Аврорин, 1975: 42]. Данные изменения не затрагивают общевопросительное предложение в целом: и в тот, и в другой период в представленных выше случаях общевопросительные предложения служат одним и тем же коммуникативным целям, т. е. содержат одни и те же типы запроса, а именно выражают: 1) запрос о социальной занятости человека; 2) о его национальной и территориальной принадлежности; 3) об обладании тем или иным предметом. Речь идет об изменениях в конкретном лексическом наполнении вопросов.

Продолжая логические рассуждения, можно было бы предположить, что стабильные типы запросов, характеризую-

щиеся лишь некоторыми изменениями лексического выражения ремы вопроса, не ограничиваются перечисленными выше. Однако сказать что-либо с большей или меньшей определенностью, руководствуясь лишь логическими рассуждениями, трудно.

Изучение конкретного языкового материала двух периодов в сопоставительном плане позволило выявить еще целый ряд стабильных типов запроса, внутри которых произошли лишь некоторые изменения лексического плана. Наиболее показательные из них представлены в следующей ниже таблице:

Тип запроса	Старофранцузский	Современный французский
Идентификация по имени собственному	*Bel sire, estes vus Helias?* [Nicodème: 39, 1232]; *Est ce Meraugis?* [Meraugis: 212]	*Vous êtes Gérard?* [Salacrou, Histoire: 91]; *Est-ce Pagnol?* [Pagnol, Temps: 287]
Идентификация по родственным связям	*Est çou ta mère?* [Eraclius: 234, 40]; *Fustes vos fils a chevelier?* [Florimont: 176, 4496]	*C'est ton père?* [Aymé, Jument: 197]; *Tu es bien le fils de François?* [Pagnol, Château: 28]
Запрос о физическом состоянии	*Avés vos trop froid ne trop chaut?* [Meliador: 341, 20938]; *Amis, fet il, avez vus mal?* [Lycorne: 20, 2604]	*Vouz avez froid?* [Colette: 172–173]; *Vous avez mal?* [Conchon: 111]
Запрос о душевном состоянии	*Avés vos donc paor de moi?* [Palerne: 155, 5317]; *N'as tu dont honte?* [Cristal: 229, 8103];	*Il a donc peur de moi?* [Salacrou, Histoire: 357]; *N'as-tu pas honte?* [Marceau: 17];

	Por le cuer bien, estes vos fous? [Trubert: 37, 1292]	*Etes-vous fou?* [Salacrou, Archipel: 20, 198]
Запрос о смерти	*Est donques mors li rois messire?* [Renart: 455, 2363]; *E Nieules sire, sont mort mi chevalier?* [Anseïe: 12, 46]	*Ah! elle est morte, cette pauvre Adelle?* [Philippe: 25]; *Il est mort?* [Courcel: 229]
Запрос о возможности совершить действие	*Porai la pucele vecir?* [Florimont: 234, 5977]; *Porrés-vos mais vostre signor aidier?* [Danmarche, II: 256, 6277]	*Pourrai-je voir ma soeur?* [Bazin, Tête: 20]; *Pourrez-vous lui passer un message?* [Etcherelli: 270]
Запрос о готовности	*Sunt il bien pres?* [Marie: 203, 25]	*Ton bûcher est-il prêt, Maître?* [Anouilh: 416]
Запрос о знакомстве с человеком	*Ba! me conissiés vos?* [Aucassin: 28, 33]; *Bel enfant, fait ele, conissiés vos Aucassin le fil le conte Garin de Biaucaire?* [Aucassin: 22, 16]	*Vous me connaissez?* [Druon, Familles: 381]; *Vous connaissez Ferdinand?* [Sarrazin: 230]

Лексические расхождения в наполнении вопроса носят разный характер: это может быть расширение или сужение диапазона самих лексем, а также изменения в их валентности.

Так, современные тексты дали значительно большее разнообразие вопросов о физическом состоянии человека. Если в старофранцузском материале мы располагаем примерами лишь на вопрос о том, холодно или жарко человеку, больно ли ему, то современный материал дает многочисленные вопросы о том, голоден ли человек: *Tu as faim?* [Merle: 41], хочет ли он

пить: *Tu as soif?* [Laffitte: 14], спать: *Tu as tellemet sommeil?* [Pagnol, Château: 157] и т. п. Отсутствие подобных вопросов в нашей выборке по старофранцузскому периоду, однако, отнюдь не свидетельствует о невозможности их постановки и в этот период. По-видимому, и в данном случае, мы имеем дело с жанровым своеобразием старофранцузских текстов.

Вопросы, содержащие выражение *avoir mal* свидетельствуют об изменении валентности самого глагольного выражения. Если в старофранцузском оно автосемантично: *Aves vos mal?*, то в современном языке это выражение характеризуется регулярным заполнением правой валентности, локализующей болевое ощущение: *Avez-vous mal à la gorge?* [Jonesco, Rhinocéros: 143]; *Tu as mal à la tête?* [Stil: 118], примеры, типа *Vous avez mal?*, составляют редкое исключение.

Запрос о душевном состоянии человека (русск.: Вы сошли с ума?) в старофранцузских текстах реализуется в многочисленных вариантах:

Estes vous fols? [Zeitschrift, 1910: 138, 232]

(Вы сошли с ума?)

* * *

Sont ces de tel folie? [Anseïs: 67, 10449]

(Эти (люди) так безумны?)

* * *

Biaus amis, estes vous dervez? [Cléomadès, II: 125, 13068]

(Прекрасный друг, вы с ума сошли?)

* * *

Biau sire, es tu hors de ton sen? [Nimes: 24, 74]

(Прекрасный сударь, ты вне себя?)

* * *

Douce suer, ies tu foursenee? [Art: 46, 1587]

(Милая сестра, ты потеряла рассудок?)

* * *

As tu le sens dervé? [Montauban: 128, 32]

(Ты лишилась рассудка?)

В современном языке сохранился лишь первый из них (*Vous êtes fou?*).

Запрашивая о готовности, персонаж, представленный в старофранцузских текстах, прибегал к трем лексемам:

Sont il bien pres? [Marie: 203, 25] (Они готовы?)

* * *

Estes vous aprestez? [Nanteuil: 88] (Вы готовы?)

* * *

Estes appareillez? [Nanteuil: 20] (Вы готовы?)

В современном языке используется лишь один способ выражения (*prêt, prête*).

В некоторых запросах, оставшихся за пределами таблицы, носитель языка в старофранцузский период также употреблял не одно, а два соответствующих по значению слова, например в запросе о потребности, ср.:

Aviez unkes mester de li? [Plet: 164, 1620]

(Нуждались ли вы когда-либо в нем?)

* * *

Amis, as tu de plus mestier? [Montaigne: 8, 207]

(Друг, тебе надо еще что-нибудь?)

* * *

As tu <u>besoing</u>? [Rigomer: 119, 4144]

(У тебя есть <u>нужда</u>?)

* * *

Avez vos <u>grant besoing</u>? [Joseph: 72, 1076]

(У вас <u>большая нужда</u>?)

причем второе существительное употреблялось без дополнения с предлогом *de*. В вопросах, встречающихся в современных текстах, используется только существительное *besoin* и только при поддержке предложным дополнением:

Tu n'as plus <u>besoin de</u> moi, papa? [Allais: 154]

T'avais <u>besoin d</u>'aller raconter tout ça aux parents? [Anouilh: 367]

Во всех представленных выше случаях отмечена, таким образом, стабильность вопросов в отношении их коммуникативной направленности (запросы аналогичного содержания), сопровождающаяся в то же время определенными изменениями в плане лексического наполнения вопросов.

В ходе анализа языкового материала в некоторых случаях удалось обнаружить более глубокие изменения.

Естественной формой проявления внимания к собеседнику является запрос о состоянии здоровья человека. Вопросительные предложения, представляющие данный тип запроса, в одинаковой мере характерны как для старофранцузского, так и для современного периода. Однако различным оказывается в сопоставляемые периоды сам подход к постановке вопроса.

Носитель старофранцузского языка, во всяком случае, в условиях, воссоздаваемых имеющимися в нашем распоряжении текстами, в девяти случаях из десяти поинтересуется, здоров ли собеседник, способом прямой экспликации:

Amis Gerard, es tu sein del cors? [Willam: 21, 623]

(Друг Жерар, здоров ли ты телом?)

* * *

Estes vous tous sains? [Condé: 39, 1281]

(Вы совсем здоровы?)

* * *

Estes sain et hetié? [Montauban: 693, 12]

(Здоровы ли вы и хорошо ли себя чувствуете?)

Парное употребление синонимов является характерным явлением языка старофранцузского периода. Им достигается особое эмоциональное воздействие на читателя (слушателя). См.: [Берлин, 1960: 8].

Estes et sauf et sain andoi? [Palerne: 249, 8609]

(Вы оба здоровы и невредимы?)

* * *

Estes vos en santé? [Narbonne, II: 181, 4322]

(Есть ли у вас здоровье?)

* * *

Sire malades, iestes voz en vogor? [Amis: 80, 2772]

(Сударь больной, в силе ли вы?)

Носитель современного языка (в десяти случаях из десяти), вкладывая в вопрос то же содержание (здоровы ли вы?), использует прием косвенной экспликации:

Tu es malade, mon petit? [Philippe: 169]

Vous êtes souffrante? [Maurois: 167]

Ср. с приведенными выше старофранцузскими примерами пример, типичный для современного языка:

Après le repas maman vint me trouver dans ma chambre où je m'étais retirée.
– Es-tu malade, ma pauvre Geneviève? Tu es toute tremblante et tu n'as rien pu manger. [Gide: 203]

Конец последнего отрезка текста, подчеркнутый пунктирной линией, отчетливо передает импульс, вызвавший вопрос (ты дрожишь и ничего не ешь).

По характеру вопрос о состоянии здоровья в типичном для старофранцузского периода контексте и в контексте современного периода различен: в первом случае он информативен, во втором – это презумптивный вопрос.

Носитель современного французского языка не утратил способности задать вопрос о состоянии здоровья, повинуясь внутреннему импульсу, т. е. поинтересоваться здоровьем собеседника в виде информативного вопроса. Но в таком случае он прибегает к вопросам, формируемым глаголом *aller*: *Comment allez-vous? Allez-vous bien? Ça va?* и т. п. В современном общевопросительном предложении, судя по нашему материалу, глагол *aller* в 60% своего употребления используется в переносном значении – «чувствовать себя». Вопрос же, формируемый глаголом *être*, закрепился в современном языке в отличие от старофранцузского за теми случаями, в которых выражается

презумпция, идущая от внешнего импульса (в старофранцузском потребность получения информации диктуется внутренним импульсом). Изменился, таким образом, импульс запроса, мотив, определяющий направленность вопроса, а одновременно и семантический тип вопроса. Вероятно, здесь находит отражение своеобразие форм взаимного общения членов общества, принятых в каждый конкретный период его истории.

Старофранцузские тексты дают многочисленные примеры следующего типа:

Dis me tu voir? [Barril: 16, 471] (Ты мне говоришь верно?)

* * *

Dites vous verité? [Montaigne: 67, 1943] (Вы говорите правду?)

* * *

Es tu dont voir dissant? [Otinel: 21] (Так ты говоришь верно?)

Встречаются, правда значительно реже, и примеры типа:

Esce vretés? [Nausay: 525] (Это правда?)

* * *

Est cou voirs, Claris? [Floire: 94] (Это верно, Кларис?)

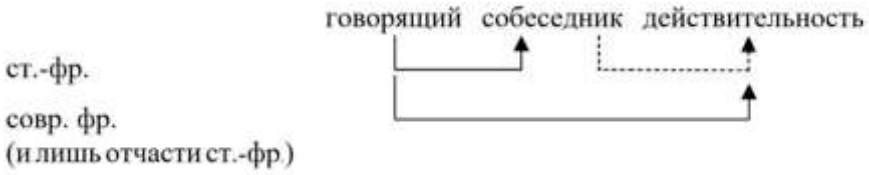
* * *

Est-ce vray? (Это верно?)

Количественное соотношение первых и вторых 4:1, первый тип заметно преобладает. Современные тексты дали примеры лишь одного, второго, типа: *C'est (est-ce) vrai?*

Запрос (об истинности информации) и его содержание (истинно ли то, что я слышу) в принципе не изменились, а вот

подход к постановке вопроса стал иным. Носитель старофранцузского языка чаще всего проверял истинность слов собеседника, как бы ставя знак равенства между правильностью информации и истинностью самого факта или события, которых эта информация касалось: если вы мне говорите правду, то сомнений в достоверности самого события уже не возникает. Выход на действительность был опосредованным (через собеседника). Носитель современного языка, задавая вопрос того же содержания и относящийся к тому же типу запроса, выражает прежде всего свое желание удостовериться в истинности самого факта, то есть он непосредственно выводит свой вопрос на действительность, минуя собеседника. Изменение способа постановки вопроса можно графически представить следующим образом:

Изменилось, следовательно, отношение говорящего к двум другим компонентам речевой ситуации. Ср. также изменение в постановке вопроса об осведомленности по поводу какого-то факта («иметь известие, новость»). Старофранцузский язык:

Savés novelles de Julien mon fil?
Sez-tu noveles nules?

и современный французский язык:

Vous avez du nouveau?
Tu n'as pas de nouvelles?

И, наконец, еще одно наблюдение, касающееся произошедших изменений в рассматриваемом здесь плане. Запрос о намерении совершить какое-то действие в старофранцузский период реализовался двояко:

a) *Cuidiez me vos einsi garir?* [Trubert: 37, 12]

(Вы намереваетесь меня таким образом вылечить?)

* * *

Cuidiez vous donc estre roŷne? [Bretagne: 118, 489]

(Так вы намереваетесь быть королевой?)

* * *

b) *Me volés vous dont laissier?* [Nouvelle: 114]

(Так вы хотите меня оставить?)

* * *

Amis, dit il, velz tu morir? [Floire: 205]

(– Друг, – говорит он, – ты хочешь умереть?)

При использовании глагола *cuidier* выделялось намерение говорящего, или интеллектуальный импульс к действию; употребление глагола *voleir* представляло намерение как волевой импульс, не столько связанный с деятельностью мозга, сколько с характером человека, его желанием, волеизъявлением. Но в том и другом случае передавался один и тот же тип запроса (о намерении собеседника). Употребительность двух способов выражения была одинаковой.

Глагол *cuidier*, как известно, вышел из употребления, уступив место глаголам *penser* и *croire*. Сочетание глагола *cuidier* с инфинитивом, отчетливо выражающее основное его зна-

чение «намереваться что-либо сделать», было заменено глаголом *croire* с инфинитивом, ср. [Берлин, 1966: 6–10]. Однако в общевопросительных предложениях глагол *croire* по употребительности не занял место глагола *cuidier*. Так, на 6000 современных примеров обнаружен всего один случай употребления глагола *croire* с инфинитивом. См.:

Et vous, croyez-vous séduire Dieu avec vos parfums? [Salacrou, Histoire: 374]

Предложения типа: *Croyez-vous partir demain?* возможны, но они используются исключительно редко. Наиболее типичной моделью для современной диалогической речи являются предложения типа:

Tu veux t'en aller? [Laurent: 246]

Это, возможно, объясняется тем, что волеизъявление включает и сознательное намерение, глагол *vouloir* как бы несет в себе и значение *croire faire qch*. Нами были проверены две конструкции: *Croyez-vous partir demain?* и *Voulez-vous partir demain?*, функционирующие в аналогичной ситуации, у носителей языка. Французы отметили, что данные конструкции можно считать взаимозаменяемыми, с той разницей, что первая из них более «галантна» ("Avec "*croire*" je n'exige pas de vous la volonté de partir, … c'est une question de politesse, … on est plus courtois").

Сопоставление старофранцузского и современного французского языкового материала обнаружило в современном языке некоторые типы запросов, встретившихся в старофранцузских текстах. Наиболее показательны в этом отношении два: запрос о желании съесть или выпить что-нибудь и запрос о приказании, отданном другому лицу.

В первом случае общевопросительное предложение строится по модели: *voulez-vous* (*prendre, boire, manger*) + существительное:

Voulez-vous du thé, patron? demanda Carisey. Jean accepta. [Troyat, Amitié: 124]

...Tu veux encore boire un coup? – Merci, patron. [Cendrars: 188]

Voulez-vous prendre un verre? Il s'affola. [Troyat, Prédaille: 99]

Второй тип запроса, реализуемый в общевопросительных предложениях современного периода и не встретившийся в старофранцузском материале, представлен примерами, подобными следующим:

Tu lui as dit de me téléphoner tout à l'heure? [Pagnol, César: 143]

Notre Seigneur a-t-il dit de tuer? [Anouilh: 409]

Josyane, je t'ai pas dit d'aller chercher Catherine? [Rochefort: 72]

Встречаемость вопросов первого типа (*Vouler-vous ...?*) именно в современных текстах можно объяснить, по-видимому, близостью языка современных художественных произведений к повседневной речи, а их отсутствие в выборке, относящейся к старофранцузскому периоду – иной жанрово-стилистической характеристикой старофранцузских текстов. Что же касается второго типа запроса (*Tu as dit de ...?*), то его отсутствие в старофранцузских текстах объясняется, возможно, более поздним появлением нового значения глагола *dire* и самой конструкции *dire* + инфинитив.

Выводы по разделу 3

Итак, представленный в настоящем разделе материал показывает, что:

1. Подавляющее большинство типов запроса обнаруживает с т а б и л ь н о с т ь, хотя речь идет об отрезке времени, включающем несколько столетий. Носитель современного языка по-прежнему интересуется намерениями собеседника, его физическим и духовным состоянием, его здоровьем и т. д. Стабильность типов запроса объясняется, вероятно, их общечеловеческим характером.

2. При стабильности типов запроса в ряде случаев происходят изменения в их конкретном лексическом наполнении. Наиболее существенные из этих изменений обобщены в следующей ниже таблице:

Тип запроса	Содержание запроса	
	ст.-фр.	совр. фр.
о социальной занятости	ограниченность сфер деятельности (преобладает занятость на военной службе и в религии): (*Estes vos*) *escuier? menestrel? messager? prestre? moine? serjans? souder? vallet?*	неограниченность сфер деятельности человека: (*Vous êtes*) *adjudant? artiste? chanteuse? charpentier? commerçant? commissaire? directeur? élève? étudiant? fonctionnaire? garagiste? gardien de nuit? infirmier? ingénieur?*

		mécanicien? médecin? officier? ouvrier? etc.
о национальной и территориальной принадлежности человека	ограниченный круг понятий: (*Estes vos*) *Esclers? François? Sarrazins? Tiois? Auvergnaz? de Paris? de Franche? de Gallee?*	неограниченный круг понятий: (*Vous êtes*) *Allemand? Américain? Anglais? Espagnol? Français? Grec? Italien? Juif? Algérien? Berlinoise? Egyptienne? Florentine? etc.*
об обладании неодушевленным предметом	ограниченный круг предметов (преобладают предметы, имеющие отношение к военной службе): (*Avez vos*) *corone? destrier? escu? lance? espée? maille ne denier? tréu?*	неограниченный круг предметов: (*Vous avez*) *bagages? allumettes? auto? appareil de photos? baromètre? bateau? billet? canne à pêche? carte d'identité? cigarette? craie? glace? journal d'aujourd'hui? livre? passeport? photo? téléphone? etc.*

Эти изменения отражают прежде всего изменения в жизни самого общества (появление новых профессий, новых предметов, расширение контактов между носителями разных язы-

ков). Кроме того, ограниченность смыслового наполнения старофранцузских общевопросительных предложений, передающих названные типы, объясняется, по-видимому, также жанровым своеобразием старофранцузских текстов, характером описываемых в них событий и ситуаций.

3. Некоторые типы запроса в силу внеязыковых причин (изменений в социальной структуре общества) вышли из употребления, другие, напротив, приобрели значительное распространение в современном языке:

Тип запроса	ст.-фр.	совр. фр.
о социальном происхождении	*Estes vos haus hom?* (*Estes*) *de grant parenté?* *de bas parenté?* *de vilain parenté?* *de haut parenté?* *filz de gentil hom?*	———
о социальном положении, связанном с социальным происхождением	(*Estes vos*) *baron? conte? dus? quens? rois?*	———
о партийной принадлежности	———	(*Etes-vous*) *nazi?* *anarchiste?* *communiste?* *démocrate?*

4. При устойчивости типа запроса и его содержания в ходе истории французского языка мог измениться характер смысловой экспликации (выраженности) запроса. Наиболее существенные изменения этого плана отражены в следующей таблице:

Тип запроса	Содержание запроса	Преобладающий тип смысловой экспликации	
		ст.-фр.	совр. фр.
о состоянии здоровья	все ли у вас благополучно со здоровьем?	(*Estes vos*) *sains?* *plains de santé?* *sein del cors?* *sauf et sein?* *en santé?* *en vigor?*	(*Vous êtes*) *malade?* *souffrante?*
об истинности информации	правда ли то, о чем вы говорите?	*Dites vos voir?* *Dites vos vreté?*	*C'est vrai?*
о намерении совершить действие	собираетесь ли вы что-то предпринять?	*Cuidiez me vos einsi garir?*	*Vous voulez partir demain?*

Изменения преобладающего типа смысловой экспликации связаны с изменениями в характере отношения говорящего к собеседнику как участнику речевого общения и внеязыковой действительности, с которой так или иначе соотносим процесс речевого общения. Два, на первый взгляд, весьма различных изменения:

Estes vos sains? → *Vous êtes malade?*

Dites vos voir? → *C'est vrai?*

оказались однотипными. В обоих случаях изменение характера экспликации отражает переключение внимания человека, задающего вопрос, с собеседника на внеязыковую действительность: в первом случае, (ст.-фр.) «я вижу вас и интересуюсь вашим здоровьем» → (совр. фр.) «я вижу ваше поведение, т. е. вас в действии, констатирую, что эти действия необычны, у меня

возникает предположение о вашем нездоровье и только тогда я интересуюсь состоянием вашего здоровья»; во втором случае, (ст.-фр.) «я вас слышу, меня интересует, говорите ли вы правду» → (совр. фр.) «я вас слышу, но меня интересует прежде всего то, что отражается в ваших словах, т. е. истинность самого факта».

В подобных случаях изменения характера экспликации, наблюдаемые в языковых способах выражения, отражают, как нам кажется, изменения в сознании носителя языка, в его восприятии взаимоотношений участников речевого общения. В этом, по нашему мнению, состоит одна из форм проявления изменений мыслительного (психологического) плана.

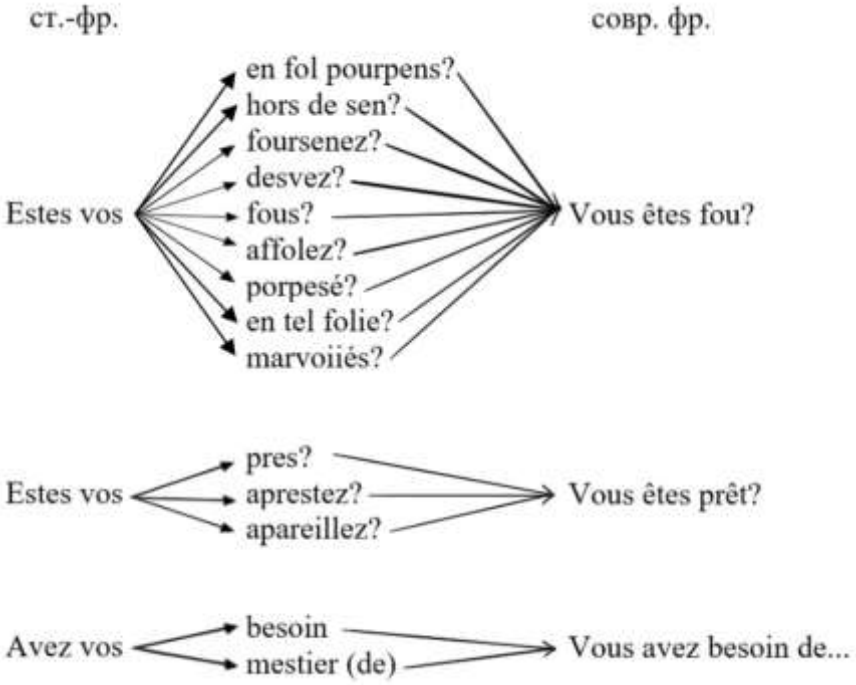
Добавим к этому также наблюдение, не вошедшее в текст, но свидетельствующее об одном из сходств в характеристике старофранцузского и современного общевопросительного предложения.

В ходе исследования было выявлено несомненное предпочтение в оба периода общевопросительных предложений с предельными глаголами:

предельные	ст.-фр.	совр.	непредельные	ст.-фр.	совр.
veir / voir	151	92	*esgarder / regarder*	7	7
oïr, entendre / entendre	61	48	*escouter / écouter*	3	3
cuidier, croire / croire	84	64	*penser songer*	2	11
dire	94	44	*parler*	1	32

Эта черта, общая для обоих периодов, объясняется, с нашей точки зрения, тем, что задающих вопросы больше интересует результат какого-то действия, нежели процесс действия.

5. Попутно в старофранцузских текстах были отмечены некоторые параллельные способы лексического выражения смыслового компонента общевопросительного предложения. Современный язык свел их к одному:

В этом сказалось, по-видимому, стремление языка к устранению лексической дублетности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В исследовании французское общевопросительное предложение было изучено в историческом плане с учетом четырех уровней языка: синтаксического (синтаксические структуры, приемы, способы выражения), абстрактно-семантического (семантические типы вопросов), коммуникативного (актуальное членение предложения) и конкретно-семантического (типы запросов).

2. Внутри первых трех уровней, связанных с лингвистической абстракцией, выявлены следующие виды зависимости одного из них от другого (других):

а) семантика → синтаксис: неинформативный вопрос, содержащий утверждение (явное или скрытое) → возможность использования прямого порядка слов в старофранцузском, исключительно прямой порядок слов в современном языке; тот же тип вопроса как ситуативно (контекстуально) обусловленный → возможность эллипсиса прямого дополнения уже в старофранцузском языке;

б) тип актуального членения предложения → синтаксис: в старофранцузском языке коммуникативная структура предложения «выделенная рема – тема» и «выделенная тема – рема» → вынесение выделяемого компонента в начало предложения; в современном языке «выделенная рема – тема» → конструкция *c'est ... qui (que)*; «выделенная тема – (выделенная) рема» → сегментация;

в) синтаксис → способы актуального членения предложения: закрепление прямого порядка слов → невозможность в современном языке выделения темы и ремы путем простой перестановки членов предложения, расширение диапазона использования выделительных конструкций.

Выявляется, таким образом, зависимость: семантика → синтаксис ↔ актуальное членение предложения. Связь семантики и синтаксиса оказывается однонаправленный, связь двух других уровней языка в данной конкретной области французского исторического синтаксиса должна быть определена как взаимодействие. Точнее схему можно представить следующим образом:

То есть названные уровни языка располагаются в определенной иерархии по отношению друг к другу, причем высшую ступень в этой иерархии занимает с е м а н т и к а.

3. Конкретно-семантический уровень языка, находящий отражение в лексическом наполнении вопросительного предложения и его содержании, непосредственно «выходит» на внеязыковую действительность. Этот уровень языка больше связан с последней, чем с тремя другими языковыми уровнями, вероятно, именно в силу своей конкретности и минимальной степени лингвистической абстракции.

4. В области актуального членения предложения, как в старофранцузском, так и в современном языке, наблюдается, с одной стороны, дуализм языкового знака и, с другой стороны, дублетность синтаксических способов выражения.

В числе рассмотренных случаев наиболее отчетливо д у а л и з м языкового знака наблюдается:

а) в старофранцузском и современном французском языке при выражении коммуникативно нейтральных типов актуального членения:

рема – тема

Conoisiez vos cest hom?
(Connaissez-vous cet homme?)

тема – рема

Venistes vos pour truander?
(Venez-vous pour me voir?)

глагол в начальной позиции

В этом случае дуализм, как видим, присущ и старофранцузскому, и современному языку. Устойчивость дуализма такого рода можно, вероятно, объяснить самой природой актуального членения предложения: актуализироваться может как глагол, так и любой другой член предложения. Это создает условия для использования одной и той же синтаксической структуры в качестве выразителя двух разных типов актуального членения предложения.

б) в старофранцузском языке прямой порядок слов в общевопросительном предложении мог соответствовать двум типам актуального членения:

тема – рема

Vos en volés aler?

выделенная тема – рема

S'il me clamoit sa douce amie!
Et je mantiroit de lui?

прямой порядок слов

В ходе истории языка данный случай дуализма оказался устраненным. В современном французском языке прямой порядок слов в общевопросительном предложении соответствует

только первому (нейтральному типу) актуального членения предложения (тема – рема).

Наиболее показательный случай д у б л е т н о с т и в старофранцузском языке:

Первый из дублетных способов передачи одного и того же типа актуального членения предложения к современному периоду вышел из употребления.

5. Проведенное исследование позволяет считать факторами, вызвавшими исторические изменения в области французского общевопросительного предложения, следующие: а) п р о т и в о р е ч и е между формой вопроса и утвердительным содержанием некоторых его семантических типов; б) влияние с в е р х ф р а з о в ы х связей предложения, позволяющих преодолеть его исконную синтаксическую автономность; в) установление определенной, строго фиксированной п о с л е д о в а т е л ь н о с т и членов предложения; г) тесная с в я з ь и в з а и м о д е й с т в и е разных уровней языка. В области типов запроса – изменения с о ц и а л ь н ы х условий жизни носителей языка и, как результат этого, их мышления.

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. – Л.: Наука, 1975. – 274 с.
2. Адмони В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы // Вопросы языкознания. – 1958. – № 1. – С. 111–117.
3. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 606 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1955. – 416 с.
5. Барышникова К. К. К вопросу обучения интонации французского языка // Иностранные языки в школе. – 1960. – № 2. – С. 98–108.
6. Берлин М. И. Развитие синонимических отношений в группе глаголов «мышления» во французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1966. – 14 с.
7. Блох М. Я. Коммуникативные типы предложения в аспекте актуального членения // Иностранные языки в школе. – 1976. – № 5. – С. 14–23.
8. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. – 203 с.
9. Богодухов И. А. Соотношение категории транзитивности и модальности в глаголах в современном французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1975. – 26 с.
10. Бондаренко А. В. Грамматическая категория и контекст. – Л.: Наука, 1971. – 115 с.

11. Бондаренко А. В. О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений // Функциональный анализ грамматических категорий. – Л., 1973. – С. 5–31.
12. Борисюк И. В. Интонация риторического вопроса в современном французском языке (в сопоставлении с укр.): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Киев, 1968. – 21 с.
13. Бурсье Э. Основы романского языкознания. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1952. – 672 с.
14. Васильева А. К. Из истории развития презентативного выделительного предложения во французском языке // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. – 1967. – Т. 295а. – С. 60–113.
15. Васильева А. К. Проблема «выделения» членов высказывания // Филологические науки / Научно-техническая конференция, посвященная 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции. – Л., 1968. – С. 129–132.
16. Васильева Н. М. Основные принципы порядка слов в независимом предложении в старофранцузском языке // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – 1962. – Т. 113. – Вып. 9. – С. 79–92.
17. Васильева Н. М. К проблеме соотношения синтаксических и метрических единиц (на материале старофранцузских эпических поэм) // Ученые записки МОПИ им. Н. К. Крупской. – 1972. – Вып. 22. – С. 3–29.
18. Веденина Л.Г. Французская пунктуация и ее роль в построении предложения: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1980. – 47 с.

19. Волкова З. Н. О семантической интерпретации эпического текста // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1977. – Вып. 114. – С. 5–11.
20. Гак В. Г. Расчлененные предложения в современном французском языке // Труды Московского военного института иностранных языков. – 1954. – Т. 5. – С. 42–56.
21. Гак В. Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во французском языке // Филологические науки / Научные доклады высшей школы. – 1975. – № 5. – С. 49–59.
22. Гиро П. Проблемы и методы статистической лингвистики // Общее языкознание. Хрестоматия / сост. Б. И. Косовский. – Минск, 1976. – С. 44–63.
23. Голубенко И. Б. Глагольная синтагма в старофранцузском языке (глагол и личное местоимение в роли подлежащего): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Львов, 1973. – 20 с.
24. Городняя Л. Ф. Порядок слов как один из способов выражения ремы высказывания в простом предложении в старофранцузском языке // Вопросы романо-германской филологии. – Киев, 1974. – С. 272–280.
25. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
26. Гурычева М. С. О характере взаимодействия между частями сложного предложения с относительной связью // Иностранные языки в школе. – 1956. – № 6. – С. 10–20.
27. Гуськова Р. Г. Основные проблемы изучения описательных оборотов c’est … qui (que) // Ученые записки Московского педагогического института им. В. И. Ленина. – 1970. – № 364. – С. 26–49.

28. Давыдова Л. А. Модальность общевопросительных структур с отрицательной частицей not в современном английском языке // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. – 1966. – Т. 27. – Вып. I. – С. 91–97.
29. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. – М.: Наука, 1977. – 381 с.
30. Джанелидзе О. Ш. Типы глагольного управления в современном французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Тбилиси, 1972. – 26 с.
31. Доза А. История французского языка. – М.: Изд-во «Иностранная литература», 1956. – 471 с.
32. Долинин К. А. Коммуникативные варианты французского простого предложения. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1975. – 46 с.
33. Евпатова А. Т. К вопросу об употреблении личных субъективных местоимений в старофранцузский период (на материале конструкции с сочинительной связью) // Исследования по грамматике (нем., англ. и фр. языки). – Иркутск, 1976. – С. 155–166.
34. Завгарова Н. А. Лексико-грамматические способы выражения побудительной модальности (просьбы) в современной французской и украинской диалогической речи // Вопросы романо-германской филологии. – Киев, 1974. – С. 281–290.
35. Зайцева В. А. Сегментация у Сент-Экзюпери // Вопросы лингвостилистики романо-германских языков. – Смоленск, 1975. – С. 71–78.
36. Иванов В. В. Некоторые проблемы современной лингвистики // Общее языкознание. Хрестоматия / сост. Б. И. Косовский. – Минск, 1976. – С. 24–43.

37. Карцевский С. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях / сост. В. А. Звегинцев. – Ч. II. – М., 1965. – С. 85–90.
38. Качан Э. А. Роль просодических средств при транспозиции общего вопроса в частный // Экспериментальная фонетика. – Минск, 1975. – С. 129–136.
39. Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. – М.: Просвещение, 1976. – 238 с.
40. Костецкая Е. И. Основные средства выделения членов предложения во французском языке // Иностранные языки в школе. – 1951. – № 4. – С. 18–28.
41. Крушельницкая К. Г. О синтаксической природе «актуального членения»предложения // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М., 1969. – С. 96–103.
42. Кумлева Т. М. К проблеме категории глагольной переходности во французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1973. – 25 с.
43. Ленца Д. Л. К вопросу об интонационной структуре эмоционально окрашенного вопросительного предложения с прямым порядком слов в современном французском языке // Грамматические и лексикологические исследования. – Кишинев, 1977. – С. 48–57.
44. Лимантов Ф. С. О природе вопроса // Вопрос. Мнение. Человек. – Л., 1971. – С. 3–25.
45. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. – Л.: Наука, 1973. – 253 с.

46. Луев В. И. Вопросительные предложения в современном французском языке (парадигматическая и синтагматическая характеристика): автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1972. – 20 с.
47. Михайловская Н. Г. Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. – М.: Наука, 1980. – 251 с.
48. Молчанова Г. П. О взаимодействии грамматики и лексики (на материале императивного предложения в английском языке) // Иностранные языки в школе. – 1977. – № 2. – С. 16–23.
49. Неустроева Г. К. Об одной типизированной конструкции испанского современного разговорного языка // Тезисы докладов Первой Всесоюзной конф. по испанской филологии. – Л., 1970. – С. 79–80.
50. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика. – М.: Наука, 1976. – 166 с.
51. Падучева Е. В. Семантический анализ отрицательных предложений в русском языке // Машинный перевод и прикладная лингвистика. – М., 1969. – Вып. 12. – С. 5–35.
52. Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. – М.: Наука, 1971. – 231 с.
53. Парамонова С. А. Эксплицитные и имплицитные связи в структуре сложного предложения в старофранцузском языке (на примере сложного предложения с придаточным относительным): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1976. – 20 с.
54. Пименов А. В. Социально-психологическая детерминированность реализации лексических значений в речи // Функционирование системы языка в речи. – М., 1979. – С. 64–73.

55. Пинаева В. М. Интонация вопросительных предложений во французском языке // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1960. – Т. 18. – С. 131–157.
56. Пославская Е. С., Сафронова Т. Н. О специфике коммуникативно-семантической структуры сегментированных конструкций // Современные проблемы романистики (семантический аспект изучения романских языков) / Тезисы IV Всесоюзной конф. по романскому языкознанию. Ч. II. – Калинин, 1978. – С. 103–104.
57. Прокопчик А. В. Структура и значение побудительных предложений в современном русском литературном языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1955. – 16 с.
58. Репина Т. А. Аналитизм романского имени (склонение существительных на западе и востоке Романии). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. – 166 с.
59. Рестан П. Вопросительное предложение, его формы и функции (на материале русского языка) // Scando–Slavica. – Т. XII. – Copenhagen, 1966. – С. 132–149.
60. Реферовская Е. А. Истоки аналитизма романских языков (очерки по синтаксису раннесредневековой латыни). – М.–Л.: Наука, 1966. – 152 с.
61. Реферовская Е. А. О порядке слов в современном французском языке // Philologica. – Л., 1973. – С. 124–130.
62. Реферовская Е. А. Структура сегментированного предложения // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. – Л., 1979. – С. 88–100.
63. Русина М. И. Вопросительные предложения со значением отрицания в современном французском языке // Исследования по грамматике (нем., англ. и фр. языки). – Иркутск, 1976. – С. 68–76.

64. Сабанеева М. К. Развитие структуры вопросительного предложения во французском языке XIX–XX вв. // Вопросы общего и романо-германского языкознания / Тезисы докладов IV научн. конф. языковедов. – Вып. I. – Уфа, 1965. – С. 118–119.
65. Сабанеева М. К. Структурные и стилистические условия построения вопросительного предложения в современном французском языке // Методы сравнительно-сопоставительного изучения современных романских языков. – М., 1966. – С. 219–226.
66. Скрелина Л. М. История французского языка (на фр. яз.). – М.: Высшая школа, 1972. – 310 с.
67. Скрелина Л. М. Изучение означаемого и означающего в истории языка // Актуальные проблемы советской романистики / Научная сессия, посвященная 100-летию со дня рождения лауреата Ленинской премии акад. В. Ф. Шишмарева (тезисы докл.). – Л., 1975. – С. 83–84.
68. Смирнова Р. Ф. Вопросительное предложение в вопросно-ответном комплексе (на материале французского языка 17–20 веков): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1978. – 22 с.
69. Смольевский А. А. К вопросу об интонационном выражении предиката во французском предложении // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1961. – Т. 26. – С. 78–92.
70. Терешкина Л. З. К проблеме нериторических вопросительных конструкций в современном французском языке // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. – 1971. – Т. 59. – С. 328–333.

71. Терешкина Л. З. Функционально-семантические типы вопросительных предложений в современном французском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1971. – 28 с.
72. Фирбас Я. Функции вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. – 1972. – № 2. – С. 55–65.
73. Фридман Л. Г. Вопросительное предложение в современном немецком языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 1960. – 24 с.
74. Чебялис Д. Грамматическая установка существительного и именное склонение во французском языке IX–XVI веков. – Вильнюс: Высшая школа, 1978. – 182 с.
75. Шевякова В. Е. Актуальное членение вопросительного предложения // Вопросы языкознания. – 1974. – № 5. – С. 107–116.
76. Шигаревская Н. А. О структуре вопросительного предложения в современном французском языке (разговорный стиль речи) // Вестник Ленингр. ун-та. – 1963. – № 2. – Серия «История. Язык. Литература». – Вып. I. – С. 113–122.
77. Шигаревская Н. А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 216 с.
78. Шигаревская Н. А. Новое в современном французском синтаксисе. – М.: Просвещение, 1977. – 101 с.
79. Шмелькова Н. А. Коммуникативный анализ вопросительных предложений // Филология (Новосибирский ун-т) / Материалы Всесоюзной научн. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс». – Новосибирск, 1977. – С. 70–77.

80. Щерба Л. В. Фонетика французского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. – 311 с.
81. Щетинкин В. Е. Семантика модальных слов и их взаимодействие с наклонением // Труды Узбекского гос. ун-та им. А. Навои. – Вып. 96. – Самарканд, 1959. – С. 9–17.
82. Bar F. Le rejet en fin de proposition de l'élément significatif // Le français moderne. – 1958. – № 4. – P. 241–255.
83. Blinkenberg A. Le problème de la transitivité en français moderne. Essai syntactico-sémantique. – Kobenhavn: Munkgaard, 1960. – 366 p.
84. Boer C. de. L'évolution des formes de l'interrogation en français // Romania. – 1926. – T. 52. – № 205–206. – P. 307–327.
85. Brunot F. La pensée et la langue. Méthode, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliqué au français. – Paris: Masson et Cie, 1922. – 954 p.
86. Brunot F. et Bruneau Ch. Précis de grammaire historique de la langue française. – Paris: Masson et Cie, 1937. – 642 p.
87. Cohen M. Histoire d'une langue: Le Français (des lointaines origines à nos jours). – Paris: Ed. sociales, 1967. – 513 p.
88. Dabrowska J. Structure de l'interrogation directe en français et en espagnol de nos jours. – Wroclaw: Ossolineum, 1973. – 103 p.
89. Damourette J. et Pichon E. Des mots à la pensée. Essai de grammaire de la langue française. –T. IV. – Paris: D'Artrey, 1934. – 626 p.
90. Darmesteter A. Cours de grammaire historique de la langue française, part. IV. Syntaxe. – Paris: Delagrave, 1897. – 237 p.
91. Dauzat A. Phonétique et grammaire historique de la langue française. – Paris: Larousse, 1950. – 305 p.

92. Dubois J. Grammaire structurale du français: la phrase et les transformations. – Paris: Larousse, 1969. – 187 p.
93. Duhamel C. A propos des "Types interrogatifs en français moderne" // Moderna Språk. – 1957. – № 4. – P. 314–316.
94. Etienne E. Essai de grammaire de l'ancien français (IX–XIV s.). – Paris: Berger–Levrault, 1895. – 521 p.
95. Foulet L. Comment ont évolué les formes de l'interrogation // Romania. – 1921. – T. 47. – P. 243–348.
96. Foulet L. L'influence de l'ancienne langue sur la langue moderne // Romania. – 1926. – T. 52. – № 205–206. – P. 147–156.
97. Franzen T. Etude sur la syntaxe des pronoms personnels sujets en ancien français. – Uppsala, 1939.
98. Frei H. L'interrogation partielle et la distinction noyau-satellite // Studies in General and Oriental Linguistics. – Tokyo, 1970. – P. 103–108.
99. Gougenheim G. Système grammatical de la langue française. – Paris: Artrey–Jehan, 1938. – 373 p.
100. Grammaire Larousse du français contemporain. – Paris: Larousse, 1964. – 495 p.
101. Greive A. Neufranzösische Formen der Satzfrage im Kontext. – Mainz, 1974. – 28 S. (Akad. der Wiss. und der Lit. Abh. der geistes und socialwiss. Kl., 1974, № 3).
102. Guiraud P. La syntaxe du français. – Paris: Presses univ. de France, 1974. – 128 p.
103. Haarhoff A. Die Wortstellung in den Quatre Livres des Rois. – Munster, 1936.
104. Halliday M. A. K. Notes on transitivity and theme in English // Journal of Linguistics. – Cambridge, 1967. – V. 3. – № 2. – P. 199–244.

105. Herman J. Recherches sur l'ordre des mots dans les plus anciens textes français en prose // Acta linguistica. – Budapest, 1954. – T. 4. – Fasc. 1–2. – P. 69–94.
106. Huddleston R., Uren O. Declarative, interrogative and imperative in French // Lingua. – 1969. – Vol. 22. – № 1. – P. 1–26.
107. Jonckbloet M. W. J. A. Guillaume d'Orange. Chanson de geste des XI-e et XII-e siècles. – La Haye: Nyhoff, 1854. – 254 p.
108. Jordan von L. Altfranzösisches Elementarbuch. Einführung in das historische Studium der französischen Sprache und ihrer Mundarten. – Bielefeld und Leipzig: Klasing, 1923. – 356 S.
109. Koopmann W. Die Inversion des Subjekts im Französischen. – Göttingen: Kaestner, 1910. – 109 S.
110. Krüger P. Über die Wortstellung in der Französischen Prosaliteratur des dreizehnten Jahrhunderts. – Berlin: "s.l.", 1876. – 60 S.
111. Le Bidois G. et R. Syntaxe du français moderne. – T. II. – Paris: Picard, 1938. – 794 p.
112. Lerch E. Historische französische Syntaxe. – Bd. III. – Leipzig: Reisland, 1934. – 504 S.
113. Mätzner E. Französische Grammatik mit besonderer Berücksichtigung des Lateinischen. – Berlin: Weidmannsch, 1885. – 676 S.
114. Ménard Ph. Syntaxe de l'ancien français. – Bordeaux: Sobodi, 1976. – 320 p.
115. Moignet M. G. Esquisse d'une théorie psicho-mécanique de la phrase interrogative // Langage. – 1966. – № 3. – P. 49–66.
116. Pinchon J. Les procédés interrogatifs // Le français dans le monde. – 1967. – № 49. – P. 47–49.

117. Pohl J. Observations sur les formes d'interrogation dans la langue parlée et dans la langue écrite non littéraire // Actes du X-e Congrès international de linguistique et philologie romanes (Strasbourg, 1962). – T. II. – Paris, 1965. – P. 501–513.
118. Renchon H. Etudes de syntaxe de l'interrogation. – Bruxelles: Palais des Académies, 1967. – 284 p.
119. Richter E. Zur Entwicklung der romanischen Wortstellung aus der lateinischen. – Halle: Niemeyer, 1903. – 176 S.
120. Sandfeld Kr. Syntaxe du français contemporain. – Vol. II. – Paris: Champion, 1935. – 539 p.
121. Schlyter B. Les types interrogatifs en français moderne // Moderna Språk. – 1957. – № 1. – P. 99–115.
122. Schulze A. Die Wortstellung im altfranzösischen direkten Fragesatze // Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen. – Bd. 71. – Heft 2. – Berlin, 1884. – S. 303–356.
123. Skårup P. Les premières zones de la proposition en ancien français // Revue Romane. – 1975. – № 6. – Akademisk Forlag. – 554 p.
124. Steinberg N. M. Grammaire française. – T. II. – Leningrad: Prosvetchenie, 1972. – 213 p.
125. Szabics J. L'ordre des éléments des temps verbaux composés en ancien français // Acta linguistica. – 1973. – T. 23. – P. 129–137.
126. Tobler A. Vermischte Beiträge zur französischen Grammatik. – Bd. II. – Leipzig, 1894.
127. Voretzsch K. Einführung in das Studium der altfranzösischen Sprache. – Halle: Niemeyer, 1951. – 361 S.

128. Wandruszka M. Réflexions sur la polymorphie de l'interrogation française // Phonétique et linguistique romane. – T. II. – Lyon–Strasbourg, 1970. – P. 65–77.
129. Wartburg W. Evolution et structure de la langue française. – Leipzig–Berlin, 1934. – 294 p.

* * *

1. Зеленина Т. И. Общевопросительное предложение в старофранцузском и современном французском языке: 10.02.05 – романские языки: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1981. – 20 с.
2. Зеленина Т. И. Русский язык как посредник при освоении иноязычной лексики удмуртским языком: 10.02.20 – сравнительно-ист., типолог. и сопоставит. языкознание: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 41 с.
3. Репина Т. А. Профессор Т. И. Зеленина – автор научных исследований в области языкознания // Многоязычие в образовательном пространстве (= Multilingualism in Educational Space): Сб. ст. к 60-летию профессора Т. И. Зелениной: в 2 ч. / Под. ред. А. Н Утехиной, Н. М. Платоненко, Н. М. Шутовой. – М.: Флинта: Наука, 2009. – Ч. 1: Филология. Лингвистика. – С. 9–13.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЦИТИРУЕМЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ

Старофранцузские памятники

Adam	Adam, drame anglo-normand du XII-e siècle, par V. Luzarche. – Tour, 1854. – 101 p.
Adgar's	Marienlegenden, von C. Neuhaus. – Henninger,1886. – 259 S.
Aiol	Aiol et Mirabel und Elie de Saint Gille, von J. Verdam. – Heilbron: Henninger, 1876–1882.
Aliscans	Aliscans, chanson de geste, par F. Guessard et A. de Monteglon. – Paris: Franck, 1870. – 327 p.
Amadas	Amadas et Ydoine. Roman du XIII-e siècle, par J. R. Reinhard. – Paris: Champion, 1926. – 290 p.
Amis	Amis et Amilles und Jourdains de Blaivies, von C. Hofmann. – Erlangen: Blaesing, 1852. – 242 S.
Anseïs	Der Schlussteil der Chanson d'Anseïs de Mes, von E. Stengel. – Greifswald: Kunike, 1909. – 155 S.
Antioche	La chanson d'Antioche, par G. Paris. – T. 1–2. – Paris: Techener, 1848.
Art	L'art d'Amors und Li Remedes d'Amors, von J. d'Amiens. – Leipzig: Vogel, 1869. – 102 p.

Aspremont	La chanson d'Aspremont, par L. Brandin. – Paris: Champion, 1923. – 203 p.
Athis	Li Romans d'Athis et Prophilais (L'Estoire d'Athènes), von A. Hilka. – Bd. 1–2. – Dresden, 1912–1916. (Gesselschaft für romanische Literatur).
Aucassin	Aucassin et Nicolette, par H. Suchier. – 7-e édition. – Paris: Schoeningh, 1909. – 136 p.
Aupais	Gautier d'Aupais. Poème courtois du XIII-e siècle, par E. Faral. – Paris: Champion, 1919. – 32 p.
Auvergne	L'Amant rendu cordelier à l'observance d'Amour, poème attribué à Martial d'Auvergne, par A. de Montaiglon. – Paris: Didot, 1881. – 200 p.
Avignon	Aye d'Avignon, chanson de geste, par F. Guessard et P. Meyer. – Paris: Vieweg, 1861. – 140 p.
Barril	La Chapel de Blois, Jouham de. Le conte dou Barril, poème du XIII-e siècle. – New Haven: Yale univ. press; London: Oxford univ. press, 1932. – 112 p.
Bordeaux	Huon de Bordeaux, par P. Ruelle. – Bruxelles: Presses universitaires de Bruxelles; Paris: Presse de France, 1960. – 499 p.
Bourgogne	Gui de Bourgogne, chanson de geste, par F. Guessard et H. Michelant. – Paris: Jannet, 1858. – 144 p.

Bretagne	Galeran de Bretagne. Roman du XIII-e siècle, par L. Foulet. – Paris: Champion, 1925. – 289 p.
Cambrai	Raoul de Cambrai, chanson de geste, par P. Meyer et A. Longnon. – Paris: Didot, 1882. – 384 p.
Chansons satiriques	Chansons satiriques et bachiques du XIII-e siècle, par A. Jeanroy et A. Längfors. – Paris: Champion, 1921. – 143 p.
Charlemagne	Charlemagne, by F. Michel. – London: Pickering; Paris: Techener, 1836. – 148 p.
Claris	Li Romans de Claris et Laris, von J. Alton. – Tübingen, 1884. – 939 S. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart).
Cléomades	Adenes li rois. Li Roumans de Cléomades, par A. van Hasselt. – T. 1–2. – Bruxelles: Devaux, 1865–1866.
Condé	Dits et Contes de Baudouin de Condé et son fils Jean de Condé, par A. Scheler. – T. 1–3. – Bruxelles: Devaux, 1866–1867.
Cristal	Cristal und Clairie, altfranzösischer Abenteuerroman des XIII. Jahrhunderts, von H. Breuer. – Dresden, 1915. – 326 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Danemarche	Raimbert de Paris. La chevalerie Ogier de Danemarche, poème du XII-e siècle. – T. I–II. – Paris: Techener, 1842.

Eneas	Eneas, par J. Salverda de Grave. – Halle: Niemeyer, 1891. – 465 p.
Enfant	L'enfant sage. (Das Gespräch des Kaisers Hadrian mit dem klugen Kinde Epitus), von W. Suchier. – Dresden, 1910. – 612 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Eraclius	Deutsches und französisches Gedicht des XII. – Jarhhunderts, von H. F. Massmann. – Leipzig, 1842.
Fabliaux	Recueil general et complet des Fabliaux des XI et XIV siècles, par A. de Montaiglon et G. Raynaud. – T. 1–5. – Paris: Librairie des Bibliophiles, 1877.
Fantosme	Jordan Fantosme. La guerre d'Ecosse: 1173–1174, par Ph. A. Becker. – Zeitschrift für romanische Philologie, 1944. – Bd. 64. – S. 449–556.
Fierabras	Fierabras, chanson de geste, par A. Kroeber et G. Servois. – Paris: Vieweg, 1860. – 204 p.
Floire	Floire et Blanceflor, poème du XIII-e siècle, par E. du Meril. – Paris: Jannet, 1856. – 319 p.
Florimont	Almon von Varennes. Florimont, oin altfranzösischer Abenteuerroman, von A. Hilka. – Göttingen, 1932. – 640 p.
Folie	La Folie Tristan, les deux poèmes de la Folie Tristan, par J. Bédier. – Paris: Didot, 1907. – 130 p.

Gaydon	Gaydon, chanson de geste, par F. Guessard et S. Luce. – Paris: France, 1862. – 364 p.
Gliglois	Gliglois. A French Arthurian romance of thirteenth century, by Ch. H. Livingston. – Cambridge: Harvard, univ. press., 1932. – 182 p.
Godin	La chanson de Godin. Chanson de geste, par F. Meunier. – Louvain, 1958. – 322 p.
Hantone	Bueve de Hantone. Der festländische Bueve de Hantone, von A. Stimming. – Fas. 1–3. – Dresden, 1911–1918. (Gesellschaft für romanische Literatur).
B. de Hantone	Der anglonormanische Boeve de Haumtone, von A. Stimming. – Halle: Niemeyer, 1899. – 279 S.
Hunbaut	Hunbaut, altfranzösischer Artusroman des XIII. Jahrhunderts, von H. Breuer. – Dresden, 1914. – 203 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Joseph	L'Estoire Joseph, von E. Sass. – Dresden, 1906. – 119 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Lai	Lai d'Ingnaures, en vers du XII-e siècle, par Renaut, suivi des lais de Melion et du Frot, en vers du XIII-e siècle, par L. J. U. Monmerqué et F. Michel. – Paris: Silvestre, 1832. – 83 p.

Lanson	Jehan de Lanson. Chanson de geste of the 13th century, by J. Vernon Myers. – Chapel Hill, 1965. – 231 p.
Loherain	Romans de Garin le Loherain, par G. Paris. – T. 1–2. – Paris: Techener, 1833–1835.
Lycorne	Le Romans de la Dame a la Lycorne et du bieu Chevalier au Lyon, ein Abenteuerroman aus dem ersten Drittel des XIV. Jahrhunderts, von F. Gennrich – Dresden, 1908. – 411 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Marie	Die Fabeln der Marie de France, von K. Warnke. – Halle: Niemeyer, 1898. – 447 S.
Marques	Le Roman de Marques de Rome, hrag. von J. Alton. – Tübingen, 1889. – 182 S. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart).
Meliador	Froissart Jean. Méliador. Roman comprenant les poésies lyriques de Wenceslas de Bohême duc de Lumembourg et de Brabant, par A. Longnon. – T. 1–3. – Paris: Didot, 1895–1899.
Meraugis	Raoul de Houdenc. Méraugis de Mortlesquez, roman de la Table Ronde, par H. Michelant. – Paris: Fross, 1869. – 270 p.
Merlin	Robert de Bozon. Merlin, roman en prose du XIII-e siècle, par G. Paris et G. Ulrich. – T. 1–2. – Paris: Didot, 1886.

Metz	Hervis von Metz. Vorgedicht der Lotheringer Geste, von E. Stongel. – Dresden, 1903. – 479 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Mimes	Mimes français du XIII-e siècle, par E. Faral. – Paris: Champion, 1910. – 129 p.
Montaigne	Brun de la Montaigne, roman d'aventure, par P. Meyer. – Paris: Didot, 1875. – 151 p.
Montauban	Renaus de Montauban oder die Haimonskinder, altfranzösisches Gedicht, von H. Michelant. – Stuttgart, 1862. – 16 S. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart).
Nanteuil	Gui de Nanteuil, chanson de geste, par P. Meyer. – Paris: Vieweg, 1861. – 107 p.
Narbonnais	Les Narbonnais, chanson de geste, par H. Suchier. – T. 1–2. – Paris: Didot, 1898.
Narbonne	Aymeri de Narbonne, chanson de geste, par L. Demaison. – T. 1–2. – Paris: Didot, 1887.
Nausay	Sone von Nausay, von M. Goldschmidt. – Tübingen, 1899. – 656 S. (Bibliothek des literarischen Vereins in Stuttgart).
Orange	Guillaume d'Orange. Chansons de geste des XI-e et XII-e siècles, par W. J. A. Jonckbloet. – T. 1–2. – La Haye: Nyhoff, 1854.
Otinel	Otinel, chanson de geste, par F. Guessrd et H. Michelante. – Paris: Jannet, 1858. – 92 p.

Palerne	Guillaume de Palerne, par H. Michelant. – Paris: Didot, 1874. – 280 p.
Partonopeus	Partonopeus de Blois, par G.-A. Crapelet. – T. 1–2. – Paris, 1934.
Passion	Theben H. Die altfranzösische Achtsilber-redaktion der “Passion”. – Dis. – Greifswald, 1909. – 758 S.
Plet	Chardry’s Jesaphaz, set Dormaz und Petit Plet, von J. Koch. – Heilbrohn: Henninger, 1879. – 226 S.
Reimpredigt	Reimpredigt, von H. Suchier. – Halle: Niemeyer, 1879. – 112 p.
Romi	Oeuvres poétiques de Philippe de Romi, sire de Beaumanoir, par H. Suchier. – T. 1–2. – Paris: Didot, 1884–1885.
Renart	Le Roman de Renart, par E. Martin. – T. 1–3. – Strasbourg: Trübner; Paris: Leroux, 1882–1885.
Rigomer	Les Merveilles de Rigomer von Jehan, altfranzösischer Artusroman des XIII. Jahrhunderts, von W. Foerster. – Bd. 1–2. – Dresden, 1908–1915. (Gesellschaft für romanische Literatur).
Robin	Adam le Bossu. Le Jeu de Robin et Marion, par E. Langlois. – Paris: Thorin et fils, 1896. – 155 p.

Roland	La chanson de Roland, par G. Moignet. – Paris–Bruxelles–Monréal: Angué, 1972. – 320 p.
Romances	Altfranzösische Romanzen und Pastourellen (Romances et Pastourelles), von K. Bartsch. – Leipzig: Vogel, 1870. – 400 S.
Rotelande's	Hue de Rotelande's Ipomedon. Ein französischer Abenteuerroman des XII. Jahrhunderts, von E. Kölbing und E. Koschwitz. – Breslau: Koebner, 1889. – 189 S.
Rutebeuf	Oeuvres completes de Rutebeuf, trouvère du XIII-e siècle, par A. Jubinal. – T. 1–3. – Paris: Delahays, 1874–1875.
Schussepisode	Die Schlussepisode des Rigomerromanes, hrag. von E. Pessen. – Berlin, 1907. (Dis. ...der hoken philosophischen Fakultät der Universität Heidelberg).
Schulze	Die Wortstellung im altfranzösischen direkten Fragesatze. – Dis. – Berlin, 1884. (Archiv für das Literaturen. – Bd. 71. – Heft 2. – S. 303–356).
Sebourc	Li Romans de Bauduin de Sebourc, III-e roy de Jhérusalem. – T. 1–2. – Valenciennes: Henry, 1841.
Thebes	Le Roman de Thebes, par L. Constans. – T. 1–2. – Paris: Didot, 1890.

Troyes, Charrette — Chrestien de Troyes. Le Roman de la Charrette, par W. J. A. Jonckbloet. – La Haye: Belinfante, 1850. – 107 p.

Troyes, Chevalier — Li Romans dou Chevalier au Lyon von Crestien von Troyes, von W. L. Holland. – Hannover: Rümpler, 1862. – 251 S.

Troyes, Cligés — Cliges von Christian von Troyes, von W. Foerster. – Halle: Niemeyer, 1884. – 353 S.

Troyes, Löwenritter — Chrestien de Troyes. Der Löwenritter (Yvain), von W. Foerster. – Halle: Niemeyer, 1887. – 327 S.

Willam — La Chançun de Willame, by Nancy V. Iseley. – Chapel Hill, 1961. – 211 p. (Univ. of North Carolina. Studies in the Romance languages and literatures, № 35).

Yderroman — Der altfranzösische Yderroman, von H. Gelzer. – Dresden, 1913. – 245 S. (Gesellschaft für romanische Literatur).

Современная французская художественная литература

Adamov — Adamov A. Le Printemps 71. – Théâtre française d'aujourd'hui. – T. II. – M.: Progrès, 1969. – P. 275–423.

Allais — Allais A. A la une... – Paris: Librairie Générale Française, 1966. – 186 p.

Anouilh	Anouilh J. L'Alouette. – Théâtre française d'aujourd'hui. – T. I. – M.: Progrès, 1969. – P. 338–438.
Aragon	Aragon L. La mise à mort. – Paris: Gallimard, 1965. – 526 p.
Arnothy	Arnothy Ch. Un type merveilleux. – Paris: Flammarion, 1972. – 437 p.
Aymé	Aymé M. La jument verte. – Paris: Gallimard, 1957. – 255 p.
Bazin, Bureau	Bazin H. Le bureau des mariages. Chapeau bas. (Nouvelles). – M.: Progrès, 1970. – 208 p.
Bazin, Madame	Bazin H. Madame Ex. – Paris: Seuil, 1975. – 287 p.
Bazin, Tête	Bazin H. La tête contre les murs. – Paris: Grasset, 1949. – 435 p.
Bosco	Bosco H. Malicroix. – Paris: Gallimard, 1963. – 384 p.
Boulanger	Boulanger D. Vessies et Lanternes. (Nouvelles). – Paris: Gallimard, 1971. – 310 p.
Boulle	Boulle P. Le pont de la rivière Kwai. – Paris: Julliard, 1958. – 245 p.
Bruce	Bruce J. Plein gaz pour O.S.S. 117. – Paris: Presses de la Cité, 1961. – 191 p.

Cesbron	Cesbron G. Entre chiens et loups. – Paris: Laffont, 1962. – 512 p.
Charles-Roux	Charles-Roux E. Oublier Palerme. – Paris: Grasset, 1966. – 440 p.
Clavel	Clavel M. Le Tiers des étoiles ou on ne sait pas quel ange. – Paris: Grasset, 1972. – 297 p.
Cocteau	Cocteau J. La machine infernale. Pièce en 4 actes. – Paris: Grasset, 1962. – 192 p.
Conchon	Conchon G. L'état sauvage. – Paris: Michel, 1964. – 267 p.
Colette	Colette W. Dialogues de Bête. – Paris: Mercure de France, 1904. – 236 p.
Courcel	Courcel P. Tricheries à Madrid. – Paris: Fleuve Noir, 1970. – 234 p.
Daninos	Daninos P. Les carnets du major Thompson. – Paris: Hachette, 1954. – 242 p.
Dard	Dard F. L'homme de l'avenue. – Paris: Fleuve Noir, 1962. – 188 p.
Druon	Druon M. La chute des corps. – Paris: Julliard, 1950. – 433 p.
Druon, Famille	Druon M. Les grandes familles. – Kiev: Dnipro, 1976. – 384 p.
Etcherelli	Etcherelli C. A propos de Clémence. – Paris: Denoël, 1971. – 189 p.

Gamarra, Amours	Gamarra P. Les amours du potier. Nouvelles. – Paris: Les Editeurs français réunis, 1957. – 205 p.
Gamarra, Mystère	Gamarra P. Le Mystère de la Berlurette. – Paris: Farandole, 1957. – 172 p.
Cide	Cide A. L'école des femmes. – Paris: Gallimard, 1929. – 244 p.
Hériat	Hériat Ph. La foire aux garçons. – Paris: Gallimard, 1956. – 249 p.
Ionesco	Ionesco E. Rhinocéros. – Paris: Gallimard, 1959. – 241 p.
Ionesco, Théâtre I	Ionesco E. Théâtre I. – Paris: Gallimard, 1954. – 333 p.
Laffitte	Laffitte J. Nous retournerons cueillir les jonquilles. – M.: Edition en langues étrangères, 1951. – 171 p.
Laurent	Laurent M. F. La mer est belle. – Paris: Hachette, 1963. – 255 p.
Marceau	Marceau F. Bergère légère. – Paris: Mulhaus, 1966. – 256 p.
Merle	Merle R. Derrière la vitre. – Paris: Gallimard, 1970. – 421 p.
Nous Deux	Nous Deux. L'Hebdomadaire qui porte Bonheur. – Editions Mondiales, 1971. – № 1218–1244.

Pagnol, César	Pagnol M. César. – Paris: Fasquelle, 1966. – 245 p.
Pagnol, Château	Pagnol M. Le Château de ma mère. – Paris: Pagnol, 1958. – 383 p.
Pagnol, Temps	Pagnol M. Le temps des secrets. – Monte-Carlo: Pastorelly, 1960. – 438 p.
Peyrefitte	Peyrefitte R. La mort d'une mère. – Paris: Flammarion, 1950. – 274 p.
Philippe	Philippe Ch.-L. Nouvelles. Charles Blanchard. – M.: Progrès, 1964. – 205 p.
Rochefort	Rochefort Ch. Les petits enfants du siècle. – Paris: Grasset, 1961. – 159 p.
Sagan	Sagan F. Aimez-vous Brahms... – Paris: Julliard, 1959. – 179 p.
San-Antonio	San-Antonio. En long, en large et en travers. – Paris: Fleuve Noir, 1958. – 250 p.
Salacrou, Archipel	Salacrou A. L'archipel Lenoir. – Théâtre française d'aujourd'hui. – T. I. – M.: Progrès, 1969. – P. 156–247.
Salacrou, Histoire	Salacrou A. Histoire de rire, suivi de la Terre est ronde. – Paris: Gallimard, 1969. – 447 p.
Sarrazin	Sarrazin A. La cavale. – Paris: Pauvert, 1965. – 506 p.
Sartre, Age	Sartre J.-P. L'âge de raison. – Paris: Gallimard, 1945. – 441 p.

Sartre, Mort	Sartre J.-P. La mort dans l'âme. – Paris: Gallimard, 1949. – 435 p.
Sartre, Séquestrés	Sartre J.-P. Les séquestrés d'Altona. – Théâtre française d'aujourd'hui. – T. II. – M.: Progrès, 1969. – P. 119–273.
Sartre, Sursis	Sartre J.-P. Le sursis. – Paris: Gallimard, 1945. – 512 p.
Simenon	Simenon G. Oeuvres complètes. – T. I–XIV. – Paris: Rencontre, 1967.
Simenon, Maigret revient	Simenon G. Maigret revient... – Paris: Gallimard, 1964. – 439 p.
Simenon, Maigret se fâche	Simenon G. Maigret se fâche. – L.: Prosvechtchenie, 1974. – 229 p.
Simenon, Maison	Simenon G. La maison du canal. – Paris: Fayard, 1932. – 190 p.
Stil	Stil A. Le premier choc. – M.: Editions en langues étrangères, 1953. – 484 p.
Théâtre	L'Avant-Scène. Théâtre. – Paris, 1976.
Troyat, Amitié	Troyat H. Une extrême amitié. – Paris: La Table Ronde, 1963. – 250 p.
Troyat, Carnet	Troyat H. Le carnet vert et autres nouvelles. – M.: Progrès, 1974. – 150 p.
Troyat, Prédaille	Troyat H. Anne Prédaille. – Paris: Flammarion, 1974. – 214 p.

Vailland, Coups — Vailland R. Les Mauvais coups. – Paris: Gallimard, 1948. – 181 p.

Vailland, Masque — Vailland R. Beau Masque. – M.: Editions en langues étrangères, 1957. – 319 p.

Vialar — Vialar P. La Grande Meute. – Paris: Denoël, 1953. – 414 p.

ОПИСАНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ ИЗДАНИЯ:

Электронное издание имеет интерактивное содержание, позволяющее переходить к тексту по щелчку компьютерной мыши.

МИНИМАЛЬНЫЕ СИСТЕМНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ:

Минимальные системные требования: Celeron 1600 Mhz; 128 Мб RAM; Windows XP/7/8 и выше; 8x CDROM; разрешение экрана 1024×768 или выше; программа для просмотра pdf.

СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, ОСУЩЕСТВЛЯВШИХ ТЕХНИЧЕСКУЮ ОБРАБОТКУ И ПОДГОТОВКУ МАТЕРИАЛОВ:

Оформление электронного издания : Издательский центр «Удмуртский университет».

Компьютерная верстка: Т.П. Смирнова

Обложка: Н.А. Бердышева

Авторская редакция

Подписано к использованию 31.03.2025
Объем электронного издания 1,5 Мб, тираж 10 экз.
Издательский центр «Удмуртский университет»
426034, г. Ижевск, ул. Ломоносова, д. 4Б, каб. 021
Тел. : +7(3412)916-364 E-mail: editorial@udsu.ru